

НИИЫ леснетики

Ольга Комарова

Ольга Комарова

НИИЫ леснетики

«Автор»

2026

Комарова О.

НИИЫ леснетики / О. Комарова — «Автор», 2026

В старом НИИ лесной генетики дни похожи один на другой, а годы идут не вперёд, а по кругу. Иногда не сразу понятно, где закончился вчерашний день и был ли он вообще. Здесь люди помнят институт лучше, чем самих себя. Сюда ходят и те, кто давно на пенсии, и те, кого уже хоронили, а архивы хранят несколько версий каждой жизни. Чем дольше здесь находишься, тем труднее вспомнить, каким был мир снаружи. И лишь единицы пытаются понять, можно ли ещё отсюда вырваться.

© Комарова О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Комарова

НИИЫ леснетики

НИИЫ леснетики

В старом НИИ лесной генетики дни похожи один на другой, а годы идут не вперёд, а по кругу. Иногда не сразу понятно, где закончился вчерашний день и был ли он вообще. Здесь люди помнят институт лучше, чем самих себя. Сюда ходят и те, кто давно на пенсии, и те, кого уже хоронили, а архивы хранят несколько версий каждой жизни. Чем дольше здесь находишься, тем труднее вспомнить, каким был мир снаружи. И лишь единицы пытаются понять, можно ли ещё отсюда вырваться.

Ольга Комарова

2026

НИИЫ леснетики

С утра мне опять принесли приказ «возобновить работы по заповеднику».

Я знала, что там, ещё до того, как взяла его в руки.

Каждый год одно и то же: в срок до такого-то числа поднять все материалы по заповеднику, найти схемы учётных площадок, подготовить план работ на текущий год...

Я даже не стала читать до конца. Этот ритуал я знала наизусть, и он мне до смерти надоел.

Мы работали в этом заповеднике лет десять назад. Закладывали сто учётных площадок пять на пять метров, на каждой зарисовывали стволы, проекции крон, точковали подрост, описывали жизненное состояние дубков, мерили освещённость люксметром. Работа была большая, месяца на два. Потом всё это легло в папки, таблицы и черновики статей, которые так никуда и не ушли.

С тех пор каждую зиму директор вдруг вспоминал про заповедник. Вызывал меня, загорался, начинал говорить горячо и вдохновенно:

— Вот бы поднять наши старые материалы... Съездить... Найти те же площадки... Посмотреть, что изменилось за эти годы! Динамика естественного возобновления дуба черешчатого под пологом порослевых дубрав! Это же монография может получиться!

Он начисто забывал, что уже говорил это в прошлом году. И в позапрошлом. И ещё раньше. Мне не хотелось отнимать у него эту радость внезапного научного озарения. Я кивала, делала заинтересованное лицо. Иногда сомневалась, найдём ли мы свои колышки спустя столько лет... Он уверенно говорил, что найдём. Память, дескать, у него превосходная, он помнит это место с точностью до метра. Я знала, что не найдём. Ни разу ещё не находили. Но молчала.

Чаще всего его энтузиазм сам сходил на нет за неделю.

Обычно именно неделю директор давал мне на подготовку: найти наши старые записи, ведомости.

— Может, даже схемы площадок сохранились? — с надеждой спрашивал он. — Поищи. Помнишь, мы на миллиметровке рисовали, где что растёт. Это бесценные материалы! И таблицы. Посмотри на старых флешках, может, дома что-то осталось, вдруг найдёшь.

Мне не надо было их искать, я их не теряла.

Всё уже много лет лежало в одной папке. И в электронном виде, и в бумажном. Миллиметровки, ведомости, заготовки статей. Я даже несколько раз носила ему эти заготовки на вычитку. Он обещал почитать, откладывал и забывал. До следующего февраля, когда снова вызывал меня со словами:

— Вот бы возобновить нашу работу по заповеднику!...

Обычно, когда неделю спустя я приходила к нему с папкой, он пролистывал её с искренним восхищением:

— Молодец, Комарова! Всё нашла!

Откладывал:

— Надо будет созвониться с заповедником, договориться, что мы в этом году у них поработаем.

И этим дело заканчивалось.

Начинался полевой сезон, посадки, прививки, госзадание, внебюджетка, командировки, и про заповедник все благополучно забывали до следующей зимы.

Хотя пару раз мы всё-таки доезжали до места.

Один раз нас не пустили — особый охранный режим, а мы почему-то не согласовали свой приезд, хотя директор обещал, что договорится.

В другой раз пустили, но пробную площадь мы не нашли. Ходили кругами, искали колышки. Вероятно, они за эти годы сгнили. Край пробы был помечен каким-то металлическим тросом, но мы не нашли и его. Может, кто-то уволок на металлолом. Никто особенно не расстроился. Бывает.

Больше не приезжали.

Помимо материалов директор обычно ещё спрашивал про люксметр. Есть ли он у нас, чем мы мерили освещённость в прошлый раз.

Я отвечала одно и то же: своего нет, одалживали в лестехе. Он говорил: «Надо купить». И просил меня поискать не простой люксметр, а что-нибудь посерьёзнее — переносную метеостанцию, соляриметр, пиргелиометр, чтоб мерить не только текущую освещённость, но и суммарную солнечную радиацию на квадратный метр...

Я находила нужные приборы стоимостью по десять миллионов. Директор пугался этих цифр.

С финансированием у нас всегда было туго. Главбух, когда кто-то приходил просить средства на инструменты или реактивы, всегда отвечал одно и то же:

— Финансирования в первом полугодии не будет, во втором — маловероятно, в следующем году — неизвестно. Но! Всё может измениться в любой момент!

На том и держались. Всем хотелось дождаться этого момента.

Примерно так же дела обстояли и с зарплатой. Её платили, но не всегда, не в полном объёме и не сразу. Каждый раз в преддверии зарплаты у кабинета главбуха начинались прения:

— Зарплата за июнь будет?

— Будет, но не всем! Постараемся молодым в первую очередь выдать.

— А я же молодой, да?

— Нет, ты нет!

— Ну, почему?!

— Да ты посмотри на себя! Какой ты молодой?!

После чего разговор о деньгах плавно перетекал в спор о том, что есть молодость...

Обычно, повздыхав над приборами, как всё дорого, директор просил меня поискать что попроще. Я находила простой маленький люксметр за две тысячи. Однажды мы его даже

купили, но так и не распаковали, сразу убрали в шкаф в лесопарке. На вопрос, есть ли у нас люксметр, я с тех пор отвечала «да». Остальное не изменилось.

И вот снова.

Я вздохнула, открыла нижний ящик и достала толстую папку «Заповедник (опять)».

Чего там только не было. Полевые записи, схемы площадок, ведомости, распечатки. И между ними — лист, где моим почерком было написано: *«Прошу уволить меня по собственному желанию. Насовсем. И чтоб большие никогда!»*

Кажется, в тот год меня особенно всё достало.

Я добавила в папку приказ этого года и убрала её обратно.

Скажу через недельку, что всё нашла, пусть порадуются.

Ника, соседка по кабинету, спросила, не отрываясь от экрана:

— По заповеднику опять?

— Опять.

Она кивнула с видом человека, который услышал, что зимой опять снег. Уточнять ничего не стала.

У нас в НИИЫ леснетики уже давно никто ничему не удивлялся.

Да, именно «НИИЫ». Опечатка при регистрации юр. лица, которую много лет не могут исправить. Бывает. Это, собственно, наш девиз — «бывает»...

Время здесь остановилось ещё в прошлом веке. Средний возраст сотрудников — семьдесят с хвостиком. Не максимальный, а именно средний. Молодых — раз, два и обчёлся, остальные — ветераны, работающие в НИИЫ со дня основания.

По сравнению с ними я работала здесь не так долго.

Институт находился в Воронеже и занимался лесной генетикой. Я считалась научным сотрудником, но на деле была универсальным солдатом. Делала всё: правила тексты, заполняла таблицы, оформляла отчёты, переводила аннотации, ездила на полевые работы, замеряла растения, писала статьи... И вообще бралась за всё, за что «больше некому».

Старички меня любили. Мне казалось, что они видят во мне абсолютно чистый мозг, не замутнённый глубокими знаниями по их темам. Старшее поколение любило рассказывать о работе, хвастаться, вспоминать прошлое. А кому? Друг другу не получалось — это всегда вытекало в споры, критику и несогласие по каждому пункту. У всех за плечами было по полвека накопленных обид. Дома, наверное, родные отмахивались: «Дедушка, отстань!». А я и отмахнуться не могла, и мало что знала об их работе — идеальный слушатель.

Я умела не перебивать и кивать в нужных местах. Они думали, что я вникала. Чаще всего я в это время думала о своём: успею ли до дождя в магазин, почему у нас опять не вынесли мусор или как их тема звучала бы по-английски... Одной из должностей, которые я совмещала, была должность переводчика, и я часто развлекалась тем, что переводила в уме то, что слышала. Это хобби помогало скрасить любое занудное совещание. Если в речах старичков мелькали незнакомые или труднопереводимые слова, мои глаза вспыхивали искренним интересом. Им это нравилось.

Многие мечтали, что я пойду в аспирантуру и буду продолжать их дело, каждый возлагал свои надежды.

Если летом их ещё отвлекала текущая работа: полевые исследования, посадка, прополка, то зимой, как сейчас, когда жизнь в институте замирала, они развлекались, ловя меня то в коридоре, то в столовой, то в приёмной, брали за рукав и посвящали в детали своей работы.

Один на днях подошел на остановке, сказал что-то про погоду, что когда температура так скачет, то скоро будет холодно, потому что в отношении любого признака широкая амплитуда изменения означает низкое среднее значение этого признака. Потом перешёл к изменчивости признаков у древесных пород, потом — к корреляциям, потом — к вариационным рядам... Рассказ затянулся на полчаса. Я не могла уехать, неудобно было его прерывать. Он тоже не замечал автобусов, пока всё не рассказал.

Другая бабуля пришла вчера под конец рабочего дня с докладом, над которым она работала последний месяц, села и стала мне его читать. Подробно, строчка за строчкой, с комментариями, объясняя, какая цифра откуда взялась. Периодически спрашивая:

— Вам понятно?

— Да.

— Ну, слава богу, главное, чтобы вам было понятно!

Рабочий день закончился, все разошлись, мы остались одни во всём институте, а она всё читала и читала. Зачем — оставалось загадкой. Я не спрашивала, у нас в НИИЫ леснетики не принято было удивляться. Может, она приняла меня за кого-то другого, а может, ей нравилось, как я слушаю. А может, вербовала, чтобы я заинтересовалась и пошла к ней в помощники.

И сегодня тоже, едва я убрала приказ по заповеднику в папку, заглянул один из пожилых сотрудников и пожаловался, что его товарищ-конкурент взял аспирантку с диссертацией на тему «Выращивание ореха грецкого в северных регионах РФ». Ему было обидно: эта тема изначально была его. Но он утешающе подмигнул мне:

— Ничего, а мы с тобой возьмем «Выращивание ореха грецкого в южных регионах РФ»!

Я на тот момент ещё не до конца проснулась и бестактно ляпнула:

— Для чего возьмём?

— Для диссертации.

— Так у нас же никто не пишет диссертацию?! — удивилась я.

Дедуля обиженно засопел и ушёл.

Спустя час заглянул ещё один со словами, что он внёс меня в список исполнителей. Я находила для него в интернете лесные планы разных регионов. Мол, пригодится, когда я буду оформлять соискательство на научную степень.

Из года в год все говорили о моей диссертации как о чём-то неизбежном.

Я её не писала. Даже не собиралась. И вообще глубоко погружаться в науку не собиралась.

Возможно, именно поэтому я смотрела на их труды относительно свежим взглядом редактора и замечала в отчётах ошибки и нестыковки. Там, где они видели суть, а я видела слова и буквы. Видела, что предложение, например, не согласовано. Что нет сказуемого — просто забыли. Что табличка в презентации будет нечитаемой: нагромождение цифр или слишком мелкий шрифт. «Слишком много текста на один слайд, давайте разобьём на два и разбавим фотографиями». «В этой табличке нет единиц измерения, надо добавить». «В статье не указана ошибка среднего, редактор завернёт». Они восхищались моей внимательностью.

В общем, я была удобным человеком для нашего НИИЫ.

Сам институт при этом жил своей медленной, слегка заторможенной жизнью. В коридорах пахло пылью и старыми бумагами. Были и компьютеры, хотя старожилы относились к ним с недоверием. Зато бумажных отчётов было — как грязи, каждый шкаф был забит ими под завязку, и когда кто-то открывал дверцы, оттуда сыпалась мелкая желтоватая труха.

Институт смотрел на сотрудников с высоты своих этажей, лет и невыброшенных папок. Ему было всё равно, кто роется в его недрах. Он давно перестал различать их лица.

За окном ещё лежал снег. Грязный, тяжёлый, с проплешинами. Близился март, но до настоящего полевого сезона оставалось ещё несколько недель.

Или так нам казалось.

Два дня спустя неожиданно для всех начальство объявило: «Сезон начался!» и велело высаживать ёлки.

На улице было минус пять, накануне мела метель, но сказали «весна», значит, весна. У нас как директору вожжа под хвост попадала — так и весна.

В этот день в лесопарк привезли школьников на экскурсию, и директор решил, что просто бродить меж сугробов скучно, давайте-ка мы с ними что-нибудь посадим.

Валерия Федотовна, начальница лесопаркового участка, работала у нас давно и тоже привыкла не спорить. Молча нашла для них две ёлочки в горшочках. Ребята из лесопарка заранее разрыли эти горшки, перенесли в помещение, отогрели. В честь праздника весны директор собственноручно взялся их празднично сажать. На камеру, под восторги детей они чем-то долбили лёд, что-то сверлили... Не знаю, дошли ли в итоге до земли или так — лунку в сугробе сделали и воткнули. Никто ничего не сказал: директор — кандидат наук, доцент, физиолог, ему видней. Дети сфотографировались в сугробе с новопосаженными ёлочками и разошлись. Лесопарковские ребята заботливо выкопали деревца обратно, поставили в горшки, где они росли до этого, и отнесли на прежнее место. Ребята любили растения и не любили бессмысленно их убивать.

— В апреле воткнём, куда надо, если не забудем, — пообещали они.

Фамилия директора была Кошечев, и она ему очень шла, он был вечным, как само здание института.

Кошечев любил себя сильно и публично. По всему институту висели его портреты в золотых рамках. В директорском кабинете тоже был целый иконостас: благодарности, фотографии, где он жмёт руки важным людям, грамоты — все, накопленные за жизнь, начиная от «за лучшую поделку третьекласснику Аркадию К.» до «лучшему предпринимателю», последнюю он изготовил сам на цветном принтере.

Помимо себя он любил дисциплину.

Однажды Кошечев решил, что сотрудники слишком расслабились, и ввёл журнал учёта рабочего времени. Обычный бумажный журнал, технологии типа турникетов и электронных пропусков до нас ещё не дошли. Мы должны были проставлять время от руки, сами записываться, кто во сколько пришёл, кто во сколько ушёл.

Идея была, на мой взгляд, слегка недодумана. В основном потому, что писать про себя, что опоздал, дураков не было. Забавно было читать: до восьми люди шли по одному, «7:50», «7:52», «7:55»... а в восемь начиналось столпотворение, 40 строчек в журнале — «8:00», «8:00», «8:00»... И так каждый день. На недоверчивые вопросы все пожимали плечами. Мы друг друга ждём на порожках, вместе заходим. Приехали на одном автобусе.

Пару раз какая-то совестливая сволочь выводила твёрдой рукой «8:10» (опоздал, мол, виноват), но ниже не менее твёрдой рукой коллег писалось «7:50» (ничего не знаю, я считаю, восьми ещё нет) и ниже опять «7:52», «7:55», «7:55», «8:00», «8:00», «8:00»... Один какой-то чудик время перепутал, часы, вероятно, спешат, все остальные, и до, и после, все пришли вовремя.

Но точное время — ещё полбеда. Смешнее было то, что весной я рабочие дни проводила в лесопарке, а заезжать отмечаться приходилось в здание института. Утром я туда заезжала, расписывалась, садилась на велосипед и уезжала. Куда я уезжала, никто не знал. По официальной версии — в лесопарк, но никто точно не знал. Может быть, домой.

Лесопарковские ребята с работы не уходили вовсе, они в лесопарке жили. Днём обычная работа, ночью работа сторожа, они все были устроены ещё и сторожами, ночь через две. Дом у одного из них был где-то в области за тридевять земель, у другого на другом конце города, пилить далеко, да и зачем? Всегда так было, все знали. В лесопарке все условия, тёплый дом, ванна, кухня, телевизор, кровати. Во сколько им отмечаться, тоже никто сказать не мог. «Я не расписывался, поскольку с работы не уходил».

«А мне так можно? — думала я. — Я тоже в этом отделе. Сказать, мол, решила во избежание пересыхания-отмирания-загнивания посадочного материала жить здесь. Собой регулировать температурный режим, на своей шкуре, не могу себе позволить отлучиться!»

А ещё я часто проводила в лесопарке выходные. Поливала посадки, проверяла прививки. Всю весну каждый день хоть на полчаса-час, но приезжала.

В выходные велели не отмечаться.

И в отпуске, когда на бумаге, а реально на работе — тоже. Никто не хотел плюсовать рабочее время, только вычитать.

Недели две журнал держался. Потом с ним стали твориться разные странности.

Сначала там стали замечать фамилии давно уволившихся сотрудников. Некоторых из них я даже вспомнить не могла, наверное, они ушли ещё до моего прихода. Многих не было в живых. «Негробов» было написано чьей-то торопливой рукой. Негробов ушёл ещё до моего рождения. «Калуцкий» — надпись карандашом, хотя на раскрытом журнале лежала только ручка. Калуцкий был основателем лесопарка, я знала его по старым выцветшим фото. Одна бабулька как-то раз увидела фамилию покойного мужа и утверждала, что и почерк его.

Многие записывались, что пришли, но не записывались, что ушли. Шли мимо вахты в мыслях о работе, забывая отмечаться. В итоге по бумагам выходило, что в институт изо дня в день приходит и навсегда остаётся масса людей.

А спустя ещё пару недель журнал отпал как идея. Как отпадает усохшая почка, как отпадают неприжившиеся прививки. В нём перестали расписываться.

Сначала перестали расписываться лесопарковские ребята. Им надо было специально идти в здание института только ради этого, и они плюнули первыми. Потом плюнули люди вроде меня, которые по работе могли быть и в институте, и в лесопарке. Мало ли, может, сегодня я там? Бросила отмечаться, санкций не последовало. Другие потихоньку откололись — тоже. К концу месяца осталась горстка самых прилежных, человек пять. Ещё с неделю журнал просуществовал по инерции, потом иссяк. Душа не может долго противиться уму. И его убрали. Не прижился.

После неудачи с журналом с месяц промаявшись — куда направить избыток творческой энергии — Кошечев придумал ящик для доносов. Настоящий почтовый ящик в коридоре с надписью: «Для анонимных донесений лично директору института Кошечеву А.Н.»

Он провисел полгода. За это время туда кинули три анонимки:

«На втором этаже дует из окон».

«Кто-то опять съел мой бутерброд!»

и одна с текстом *«Кошечев, ты козёл»*.

Ящик сняли.

Об этом нам рассказала уборщица, которая эти письма вынимала и относила в приёмную.

— Обиделся, — резюмировала она. — Сказал: «Не доросли. Коллектив не готов к горизонтальному диалогу с руководством».

Ещё он любил получать от подчинённых ежедневные отчёты по помещениям под условным названием «кошек нет».

Традиция этих отчётов возникла после посещения комиссии из Москвы. Тогда не все сотрудники оказались готовы. Один из них — раздолбай из отдела биотехнологии Олег, доброй души человек и алкоголик — умудрился не знать о комиссии ничего. Делегация обходила лаборатории и, когда дошла до каморки Олега, до них донеслась музыка, нестройный хор голосов и ещё какие-то звуки. Комиссия долго стучала в дверь, им открыли минут через пять, и первой из двери выбежала кошка. Обычная трёхцветная кошка, ничего особенного. Следом вышли несколько женщин, совершенно незнакомых ни директору, ни делегации, попросились и быстро ушли, а в кабинете обнаружился коньяк, рюмки, нарезанный шашлык и магнитофон. Последовал ужасный скандал. Почему-то больше всего директора возмутила именно кошка. «Антисанитария, — вопил он. — Кто согласовал?! На каком основании?! Распустились!»

Никто не смог объяснить, откуда она взялась.

Было созвано общее собрание коллектива — принимать меры по недопущению подобного в будущем. Учёный секретарь попытался было вступить за кошку.

— В Эрмитаже всегда жили коты, и ничего. Считаются символом, их вон на открытках печатают, в книжках! «Коты Эрмитажа»!

Кто-то робко сказал, что в лабораториях мыши, кот был бы не лишним.

Но директор и слушать ничего не стал и коллективно своим решением постановил отныне каждый день начинать с обхода помещений, каждому отделу собирать мини-комиссию из двух сотрудников отдела и одного сотрудника со стороны, обходить все подведомственные комнаты и писать отчёт по помещениям.

С тех пор каждый день мы собираемся всем отделом и пишем что-то вроде *«Проведён осмотр лаборатории такой-то, кабинета номер такого-то и подведомственного сарая. Помещения находятся в надлежащем состоянии, сарай требует ремонта. Кошек нет»*.

Однажды осенью у директора возник очередной бзик: он запретил есть на рабочих местах. Особенно это задело ребят в питомнике. В отличие от институтских, у лесопарковских было нормальное жилое помещение с полноценной кухней, ванной, туалетом, все условия. Сковорода, плита, посуда, два стола, вечно заваленные всякой всячиной: кульки с печеньем, приправы, виноград, варенья в баночках... Так было всегда. Ближе к обеду кто-то один шёл варить борщ, потом все вместе ели. Помимо еды для людей, на кухне варилась еда собакам, которые охраняли лесопарк. Каши, мясо. Всё это вывело из себя директора во время очередного визита в питомник. Кошечев сказал, что это сбивает с рабочего настроения. Запахи еды, звон посуды... И велел больше не готовить и не есть. Сами в столовую, собаки — их дело, на подножный корм.

Мы послушно убрали всё. Неделю ходили обедать кто куда: в столовую, в лес на пеньке с принесённым из дома контейнером. Была надежда, что это не навсегда. Пройдёт месяц-другой, начальство смягчится, мы начнём постепенно пить чай, потом...

Но прошла всего неделя. Спустя неделю я пришла на работу и окунулась в знакомые запахи: варёная картошка, как в лучшие времена, жареная курочка... А что изменилось,

спросила я? Ничего. Валерия Федотовна, непосредственная начальница, сказала: «Холодно, давайте есть!»...

Кошечев сделал вид, что не заметил. Он боялся уронить свой авторитет.

Мы делали вид, что слушаемся. Это была целая наука. Не бунтовать, не вступать в открытое противостояние, не спорить, притвориться, что выполняем, а потом просто вернуть всё, как было, без объяснений. Директор либо забывал о своих поручениях — что не удивительно, памяти у него не было никакой — либо притворялся, что не замечает, избегая скандалов.

Тонкая игра, где каждый знал свою роль.

Однажды Кошечев заглянул в лесопарк и сказал:

— Там на парковке щенок под машину забился и скулит. Заберите его.

Не то чтобы нам была нужна ещё одна собака — своих хватало. Но отчасти было жалко щенка, а отчасти — всё-таки приказ директора. Мы вышли на парковку, посвистели, позаглядывали под машины. Никого не было. С облегчением вернулись в лесопарк.

А спустя два часа пришли две женщины, ведя чёрного щенка на верёвочке.

— Нам сказали, что вы его искали. Мы нашли. Ваш?

Нет, он не был «наш». Но отказываться было уже поздно. И к тому же директор велел забрать. «С начальством не спорят», — сказала Валерия Федотовна.

Так в лесопарке появился Блэк.

Вместе с ним в лесопарке было уже три собаки, содержать такую свору было нелегко и недёшево. Их всех надо было кормить, лечить, делать прививки, покупать средства от клещей. Всё это брала на себя Валерия Федотовна. Одной собакой больше — это несколько тысяч дополнительных расходов в месяц. Но она приняла эту ношу с тихим вздохом, а я в очередной раз поразила умению директора быть добрым за чужой счёт.

Я вспомнила об этой истории, когда утром подходила к институту одновременно с директором. Он поравнялся со мной и спросил:

— Тебе котёнок не нужен?

Я напряглась. Это звучало как очередная его попытка насильно осчастливить. Такие попытки обычно дорого обходились осчастливленному.

— Нет, — осторожно сказала я. — У меня уже есть дома и кошка, и собака, они не примут.

— А может, возьмёшь? Будет две кошки. Чем плохо?

Я вспомнила его крики «Антисанитария!», «На каком основании?!» и наши ежедневные отчёты «кошек нет». Чем плохо — две кошки? Я не была уверена, что отвечу правильно.

Он принял моё молчание за готовность согласиться и усилил нажим:

— А то обоих возьми!

— Кого «обоих»?

— Котят. У меня двое. Куда мне их девать? Возьми хотя бы одного!

И он рассказал, что дети пару месяцев назад притащили с улицы двух котят. У Кошечева было четверо детей, они любили животных, и родители, поумилявшись, поначалу разрешили оставить зверушек. Пока котята были маленькие, они были милые, и дети всласть с ними наигрались. А теперь котята выросли, шумят, гадят, кормить их, опять же...

— Они игривые, активные, — расхваливал директор. — Подросшие уже.

Я не нашлась, что сказать. У меня в голове не укладывалось, что двух живых существ, которых взяли в семью, можно подрастить, а потом сбавить кому-то просто потому, что наигрались. «Подросшие»! Подросшие — это минус. Пока они были маленькие и миленькие, у них был шанс найти своего человека. Люди любят маленьких. А теперь это два взрослых котяры.

Меня брала злость.

— Нет, — сказала я, чувствуя, что аргументов нет. — Не возьму. Не могу. Некуда.

— Ну и зря, — сказал директор, заворачивая в свой кабинет. — Веселили бы тебя...

Я вспомнила ещё одного пса, который тоже поселился у нас в лесопарке с недавних пор — Дружок. Дружок был собакой директора. Летом он жил на даче с их семьей, а потом на девять месяцев Кошечев отдавал его в лесопарк до следующего лета, — не хотел забирать собаку в квартиру.

Дружок, привыкший за лето к семье, был страшно. Первые дни просто не переставая, потом всё реже, спустя месяц смирился и заходил плачем, только когда слышал, как Кошечев приходил в лесопарк, разговаривал с сотрудниками. Жил Дружок в дальней части лесопарка, ему там был оборудован уголок с будкой, миской. Кошечев туда обычно не заглядывал, но Дружок слышал его за километр и плакал в голос. Все девять месяцев. А на следующее лето его забирали вновь. Увозили на машине. Пёс сидел на сиденье и смотрел из окна абсолютно счастливым взглядом, он не помнил зла и готов был ехать с хозяином на край света, его морда лучилась восторгом ребёнка, которого везут в Диснейленд.

Но потом приходила осень, и его снова отдавали на 9 месяцев в казённый дом.

Ночью мне приснился жутковатый сон.

Кошечев уговаривал меня взять одного из его детей.

— У меня четверо, — говорил он. — А у тебя никого. Куда мне их девать? Возьми хотя бы одного!

— Не возьму, — упорствовала я, чувствуя, что мне нечего возразить. Кроме «да вы судили» слов не было, а эти слова я не могла сказать ему в лицо.

— А то, может, двоих возьми? Они игривые, активные, — расхваливал директор.

— Я целыми днями на работе, с кем они будут?

— Да они подросшие уже.

— Не возьму. Не могу. Мне некуда.

— Ну хоть одного! Веселить тебя будет.

Я проснулась в холодном поту.

Утром мы снова подошли к институту с директором одновременно.

— Слушай, — внезапно сказал он. — У меня же четверо детей, я рассказывал?

— Да, — напряглась я.

— Я вот подумал, не можешь ли ты одного или двоих взять...

Он не заметил мой оторопелый взгляд и продолжил:

— ...позаниматься. Ты же английский хорошо знаешь? Их надо подтянуть. Старшему экзамен сдавать. А средняя просто для себя подучить хочет...

Я уже мысленно вспомнила все аргументы из сна от «Мне некуда» до «я целыми днями на работе, с кем они будут?» и теперь перестраивала их с учётом новой информации.

— Может, хоть со старшим? — спросил директор. — Ему нужней, для школы.

«Ну хоть одного возьми!» — отдавалось в голове...

Ночью мне снова снился директор. Он стоял посреди лесопарка и раздавал детей.

— Берите, берите, — говорил он щедро. — У меня их много.

Я хотела отказаться, но он уже вкладывал мне в руки тёплый свёрток.

— Веселить будет, — сказал он. — Подросший уже.

В руках шевелился младенец в маленьком зелёном комбинезончике. Такие же свёртки он выдал лесопарковским ребятам. Света своего деловито сунула под куртку.

— Надо будет на прививки записать. И глистогонное купить.

Лёха вздохнул, беря своего:

— У меня прошлый убежал. Как за ними следить? У нас сейчас сезон, копка, всё время руки заняты...

— Ничего, посадишь в манеж, — сказала Света.

— А на ночь? — спросил Лёха. — Они же кричат.

— Лёша, ну, что делать, начальство велело — значит, надо. Ты на работе, — напомнила Валерия Федотовна.

— А документы на них? — не унимался практичный Лёха. — Свидетельства о рождении?

— Оформят, — отмахнулась Света. — Раз дали, значит, где-то они числятся. В бухгалтерии потом уточним.

Никто не удивлялся. У нас в НИИЫ леснетики уже давно никто ничему не удивлялся.

Институт помнил всё.

Сны, которые снились в нём и о нём. Слова, сказанные шёпотом в коридорах, и те, что гремели в актовом зале на учёных советах. Маразм, что годами пропитывал его стены.

Он помнил запах свежей краски после каждого ремонта и запах разогретой в микроволновке картошки с мясом.

Помнил, как менялись таблички на дверях, как исчезали одни фамилии и появлялись другие. Идеи вспыхивали и гасли, как летние грозы, не доживая до воплощения.

Институт смотрел, как люди снова и снова пытаются что-то изменить. Переставляют столы, переименовывают отделы, пишут новые приказы. А потом всё возвращалось на круги своя — как река, которая всегда находит старое русло.

Институт никого не осуждал. Он просто ждал.

В него приносили грязь с полевых сапог, мхи и лишайники на определение, чагу для музея, речную мяту на чай. А однажды принесли спил идеального дуба площадью в два квадратных метра, который перестал быть идеальным и засох неведомо с чего.

Приносили гербарии, где навсегда законсервировалось ушедшее лето, и тонкий запах озона с грозой через распахнутые двери, старые обиды и новые глупые надежды.

Приносили новые жизни — растерянных молодых сотрудников с ещё не потухшими глазами, а других приносили прощаться — уже навсегда.

Институт видел, как люди старели за его столами. Как гасли глаза у тех, кто ещё вчера приходил с горящими. Он видел, как надежды медленно остывают, превращаясь в привычку. Как «временная работа» становится единственной. Как годы наслаиваются друг на друга, будто

слои пыли на шкафах. Он видел, как сотрудники ходят теми же коридорами десятилетиями, почти не меняясь.

Институт помнил молодыми всех тех стариков, что волочили ноги по его паркету, и многих до них. Помнил шепотки о том, что «скоро всё изменится». Одни и те же слова. Одни и те же интонации. Больше полувека подряд.

Первый раз я заподозрила, что что-то не так, когда Миша Букреев из отдела семеноводства спросил:

— А ты замечала, что он всегда рассказывает одни и те же истории и всегда одинаково?

Речь шла о директоре. Он любил выпить, а выпив, пускался в воспоминания. Поводы у нас в НИИЫ находились исправно: день российской науки, день леса, день географа, день эколога, день освобождения Воронежа, день начала освобождения Воронежа... О существовании последнего мы узнали, когда «сверху» спустили письмо с вопросом: готовы ли сотрудники к торжественному возложению венков 16 декабря в честь Дня начала освобождения Воронежа? Мы не сразу поняли. Ладно 25 января — День освобождения Воронежа, но что такое «начало освобождения»? С таким же успехом можно праздновать 17 декабря — День продолжения освобождения Воронежа, или середину освобождения (экватор), или 26 января — Первый день освобождённого города...

Но мы были гос.организацией, поэтому венки к братской могиле покорно понесли.

После возложений обычно устраивались общеинститутские застолья, и каждый раз после третьей рюмки Кощеев начинал рассказывать одно и то же. Как работал в заповеднике и встретил кабанов. Как был в армии и охранял какой-то вагон. Как ему дали автомат и велели стрелять, если кто пойдёт, а потом мимо пошли местные жители один за другим, и он хотел расстрелять их всех.

— Ещё бы, — сказала я. — Я эти его истории наизусть знаю. Я здесь лет десять уж работаю.

— Десять? — удивился Букреев. — По-моему, больше.

— Ну, десять-одиннадцать... — на меня накатило странное чувство — не получалось вспомнить, в каком году я сюда устроилась. — Не помню точно.

Мы сидели в лаборатории и фасовали семена псевдотсуги по марлевым пакетикам. Миша Букреев такие задачи любил, я — терпела, работа нудная, но необходимая: чтобы на стратификации семена дышали, их закладывали в марле.

— А истории помнишь? — уточнил Букреев.

— Естественно. Про кабанов, про армию, про вагон, про людей, которых он хотел расстрелять, но постеснялся. Наизусть, говорю же. Первый раз он рассказывал, как встретил кабанов с кабанятами, я ещё не знала, что они считаются опасными. Свинья и свинья. Не прямо уж хищник. Кощеев смотрит: впечатления не произвело, и давай объяснять. Что когда она с кабанятами, страшнее зверя нет. Что, хоть те и шли мимо, первыми не бросались, но если б кабанёнок наступил на ветку, поранился и взвизгнул, мамаша бы растерзала человека, решила бы, что это он малыша обидел.

Второй раз я это слушала, уже в нужный момент ахала-охала, директор остался доволен.

Третий раз и все последующие я уже сама его перебивала: «С кабанятами?! Боже, Аркадий Николаевич! Да когда она с кабанятами, это ж страшнее зверя нет!», он: «Вот-вот-вот!», я: «Да это ж вам повезло, что кабанёнок ни на какую ветку не наступил! А если б он поранился и взвизгнул?! Да мамаша бы вас растерзала, решила бы, что это вы малыша обидели!», и он такой: «Вот-вот-вот!». Надо же, думает, как она шарит!

Я теперь у него любимый слушатель.

— А другие почему не помнят? — спросил Букреев. — Я проверял. Никто не помнит его байки, ни про кабанов, ни про вагон...

— Старожилы-то? Им за 80, они и родных вспоминают по большим праздникам. У некоторых спросишь, есть ли у них дети, внуки, они долго-долго вспоминают, морщат лоб, роются в записных книжках, потом отвечают в лучшем случае: «Да», и всё!

— Думаешь, нас тоже это ждёт? — спросил Букреев.

— Что, маразм?

— Это не маразм, — Букреев поморщился. — То, что им надо по работе, они помнят. А остальное — как обнуляется. Провалы в памяти.

— У них нет памяти, — сказала я. — Я уже привыкла. У большинства людей памяти нет совсем. Не то чтобы она плохая или подводит, а просто её нет совсем. Сколько раз мы решали «возобновить работы по заповеднику»? Кошечев каждый раз фонтанирует энтузиазмом, как в первый раз. О предыдущих попытках забывает начисто.

Да и на учёных советах постоянно бенефис Альцгеймера. Пять минут созерцаем слайд: «Объект №2, площадь — 1,4 га, год создания — 1979, автор — Иванов И.И.». Всё, три строчки. Пять минут на них глазеем, пока докладчик распинается. Он заканчивает, «Спасибо за внимание», и начинаются вопросы: «В каком, вы говорите, году его закладывали?», «А кто автор объекта, не подскажите?», я сижу, думаю, издеваются они, что ли? Из того, что мозолило глаза пять минут, осталось только про площадь спросить, и всё, вопросы исчерпаны. И точно, следующая рука тянется: «А площадь объекта не подскажите?»

Даже я эти три строчки уже — наизусть, от скуки просто, просто потому, что не с закрытыми глазами сижу, хотя мне это сто лет не надо, сижу слайды переключаю, как самый технически грамотный сотрудник: умею переключать слайды... А они живут работой! Говорят только о работе. Собрались слушать это всё. И: «Кто автор?» да «год создания?», как только что приземлились.

— В науке принято всё проговаривать по несколько раз, — заступился за коллег Букреев. — Меня ещё на дипломе учили: начни с выводов, закончи выводами. Не смейся, когда первый же вопрос будет: «Какие выводы сделаны из работы?». Когда проснётся председатель комиссии, он подведёт итог и тоже спросит: «А какие основные выводы...» Так и было.

— Так то студенты нерадивые, — возразила я. — Их дипломы научной ценности не несут, их можно и не слушать, но эти-то идейные! Что у них есть-то в жизни кроме института? Юбилей Костина недавно отмечали, тосты звучали: «За сосну балканскую!», «За Вашу коллекцию микрклонально размноженного *in vitro* дуба северного!» — реально желают вместо любви-добра-здоровья-розовых-соплей, от подобной банальщины он отмахивается, я, мол, помру и ладно, давно хочу, а вот объекты не пропали бы, там же рубки ухода каждые три года надо, а ну как зарастут?!

Они живут работой, на остановке могут отловить, взять за рукав и долго рассказывать, как кто-то там за бугром по эпигенетике статью опубликовал — точь-в-точь его, ну ты подумай... Только кивать-кивать-кивать, я никогда наукой не жила, они во мне видят абсолютно чистый мозг, в который можно излить любую информацию, если у них через край.

Работы друг друга они с лупой рассматривают Заклятые конкуренты. Для них это поле боя.

И вот эти фанаты науки пять минут смотрят в экран и не могут запомнить то, что им интересно!

— Да, странно, — протянул Букреев. — И ведь работа интеллектуальная. Должны бы держать память в тонусе. А у кого что ни спросишь, никто ничего не помнит. К тем, кто что-то помнит, отношение настороженное.

— Это точно, настороженное. В командировке недавно были, Гирину из термоса чай предлагаю, «У меня без сахара, — говорю, — как вы любите». Смотрит, прищурившись:

«Откуда вы знаете?». «Так мы в прошлом году с вами были в командировке, — говорю, — вы тогда без сахара пили». Косит хитрым глазом: «И вы запомнили?». Такое чувство, что я за ним слежу. Подозрительно. Либо влюблена, либо шпион. Потому что в норме у людей памяти нет совсем, ни долгосрочной, ни оперативной.

Недавно из командировки возвращались, междугородний автобус, часа два уже едем, бабулька одна вдруг засуетилась: «Это не ваш рюкзачок? А это не ваш рюкзачок?» — обнаружила рядом с собой на сиденье. Когда появился, не помнит, вроде бы, с самого начала стоял. Соседей опросила. Попереживала, вдруг там бомба. Потом решила, что с предыдущего рейса остался. Что же делать, что же делать, а куда сдают найденные вещи, а догадается ли потерявший обратиться в транспортную компанию, а давайте мы сообщим диспетчеру, хоть ценного-то, надеюсь, ничего там нет... Поковырялась в нём, достала видеокамеру. Попричитала, как же люди теперь без камеры, а ведь дорогушая, наверное, смотрите, какая навороченная, передала показать соседям...

Весь автобус на уши поставила. Пока к ней не подошли с задних сидений узнать, что там за переполох и почему их камера пошла по рукам.

Выяснилось: они перед поездкой спросили бабулю, можно ли здесь поставить рюкзачок. Сзади места не было, они с кучей багажа, а она одна на двух сиденьях. Конечно, сказала она, конечно. И поставила. Даже не они, она сама поставила. Взяла своими руками. Устроила рядом. Я пригляжу, сказала, не волнуйтесь.

И забыла напрочь. Через два часа опомнилась: ба-а, что это тут у меня?!

Ничего, сказали ей, бабушка, бывает. И окружающие поддакнули, мол, конечно, два часа прошло, ну, как тут упомнить...

Какое, к чертям собачьим, «бывает»?! Как бабушку одну выпускают, если у неё «бывает»? Эдак можно выйти в магазин и забыть, куда шёл. И где дом. И как тебя зовут.

Букреев помолчал, вспоминая что-то своё.

— Меня это пугает, — признался он наконец. — У всех какая-то прогрессирующая амнезия. Чем дольше учёный здесь работает, тем меньше он что-то рассказывает про себя, про родных, про дом, про молодые годы. А если кто и рассказывает, то как запись гоняет, одно и то же по кругу, до дословного.

— Люди приходят сюда в двадцать, — сказала я. — А уходят под сто. И чаще всего вперёд ногами. Неудивительно, что память слабеет. Бывает.

— Не говори так, — попросил он.

— Как?

— «Бывает». Они все так говорят, когда творится какая-то дичь.

— Придираешься. Нормальное слово.

Букреев как-то странно посмотрел на меня, но спорить не стал.

— Ты сам-то помнишь, сколько уже здесь работаешь?

— Лет тринадцать, — сказал Миша.

— Быть такого не может! Ты пришёл позже меня!

— Ну да, ты уже работала. Хотя, знаешь, я помню, как охранял ёлки в лесопарке под Новый год... это было совсем давно, лет двадцать назад.

— Миша, что ты несёшь, лет двадцать назад ты ещё в школу ходил!

Миша надолго задумался.

— Мы с отцом приходили охранять ёлки ещё до того, как я устроился сюда работать, — наконец сказал он. — Волонтёрили. Да, я тогда ещё где-то учился. Не то в школе, не то в колледже.

— Ты никогда не рассказывал, — удивилась я.

— Я сейчас вспомнил, — сказал он.

— Странно всё это.

— Да, — согласился он.

А уже на следующее утро замшелый, уютный, слегка заплесневелый мир нашего НИИЫ потрясла новость: к нам едет комиссия из Рослесхоза! Это значит, из Москвы. Это значит, всё серьёзно.

За годы моей работы институт пережил несколько проверок, в том числе московских. Но эта почему-то сразу всколыхнула всех.

Слухи расползались быстрее, чем официальная версия.

К обеду уже было известно, что проверять будут всё.

К вечеру — что как никогда придирчиво, потому что мы попали в немилость и нас хотят закрыть. Никто не мог сказать, откуда взялась эта версия, но она показалась всем самой убедительной. Институт встрепенулся. Оказалось, что мы не готовы, а на подготовку остались считанные дни.

Правда, кто-то говорил, что комиссия приедет через месяц, кто-то — что через неделю, а кто-то — что они уже выехали. Истина, как обычно, была где-то посередине.

И всё заверте...

Первым делом меня послали обойти все кабинеты, собрать отчёты прошлых лет и вытянуть из них все фотографии, которые наглядно показывали нашу работу. Сотрудники в лабораториях, на полевых работах, маленькие дубки крупным планом или как двое-трое учёных пытаются обхватить большой дуб...

Из всех этих фоток собирались сделать огромный баннер, чтоб показать, что мы масштабная организация, а не какая-нибудь другая шарашкина контора.

Я побежала по кабинетам узнавать, у кого что можно взять.

Сотрудники помоложе находили фото и сбрасывали без вопросов. Кто постарше — долго с подозрением выпрашивали, что, куда и зачем. Многие после получаса убеждений («Это для нашего же института!») доставали запylённые альбомы или пачки фотографий, а когда я пыталась объяснить им про электронный вариант, диалоги затягивались на часы: «В этом отчёте она вставлена, а не приклеена сверху, значит, она есть где-то на компьютере» и «Я, конечно, могу отсканировать, но с потерей качества, может, мы найдем того, кто вставлял её в отчёт?.. А кто печатал?.. А сейчас он где?..»

Порой возникало ощущение, что мы с разных планет. И говорим на разных языках.

Тяжелее всего оказалось убедить нашу старейшую сотрудницу Любовь Андреевну Рязанову, что я не враг и пришла с миром. С ней в кабинете сидела Лида, та компьютером владела и сразу предложила сбросить нужное, но Рязанова велела ничего не отдавать. Лида заверила, что только покажет, мы сели смотреть, что есть, а Рязанова коршуном нависла над нами, не доверяя.

— Федеральный отчёт 2011, — говорила Лида, показывая на ярлычок.

— Забрала, — отзывалась я, копируя файл на флешку.

— Не забирайте! — подсказывала Рязанова. — Он нам ещё понадобится!

Я объясняла, что копирую, что у них отчёт тоже останется, но та не отходила ни на шаг, подозревая подвох.

— Список объектов института, — продолжала Лида.

— Хорошо, — осторожно отзывалась я.

Опасных слов вроде «беру» или «давайте» я старалась избегать, чтоб не провоцировать Рязанову. Та напряжённо следила за каждым моим движением, будто ожидая, что я метнусь к двери, и тогда она меня схватит.

— Монография про культуры дуба в Черноземье.

— Да, — я выбирала невинные слова.

— Схемы объектов отдела интродукции.

— Есть.

— Семеноводство, монография Гирина.

— Тоже.

— Отчёт отдела селекции 2014 года.

— Его я уже забрала, — вырвалось у меня.

Худшие опасения Рязановой подтверждались, она рвалась с места:

— Почему вы у нас всё забираете?!

— Я не забираю, Любовь Андреевна, я копирую, я же говорю...

Но её было уже не провести.

— Вы обещали не забирать! Я так и думала!!! Всё! Нет у нас больше ничего! Убирайтесь!

Оправдываться было поздно. Компьютеров она опасалась, посмотреть на экран и убедиться, что файл остался, не могла, точнее, посмотреть могла, но её бы это не убедило, она в этом плохо понимала, но зато хорошо слышала слова «забираю» и «уже забрала», когда про-
сили же меня не забирать!

— Я ветеран труда! — бушевала Любовь Андреевна. — Я пятьдесят лет от звонка до звонка!... Да я таких, как вы... Я до директора дойду, я до Рослесхоза дойду! Вы у меня!.. Чтoб ноги вашей тут больше...

Оставалось только бежать.

В последующие дни мы занимались разгребанием книг. До сих пор в каждом кабинете стояли книжные шкафы, но руководство сказалo «некрасиво, неорганизованно» и велело стаскивать всё в дальнюю комнату, где собирались разбить «центральную библиотеку».

Мы с Никой таскали коробки три дня. Пыль стояла столбом, поток книг не кончался.

— Как в музее, — бурчала я. — Их вообще кто-нибудь когда-нибудь открывал? На некоторых даже страницы не разрезаны!

Среди запылённых научных трактатов и монографий попадались подшивки журналов всех мастей, от «Наука и жизнь» до «Ваш сад и огород», а ещё беллетристика, классика, научно-популярные издания, мемуары, словари... Некоторые экземпляры сохранились ещё с дореволюционных лет, с «ятями» и «ерами».

— Сотни томов сочинений Ленина! — ахнула Ника, открывая очередной шкаф. — Целый шкаф с Лениным.

— И учебники по научному атеизму, — хмыкнула я, потянув соседнюю дверцу, — Маркс, Энгельс... Ой, какая книжечка — «Белая магия»! Ника, слушай!

Я открыла потрёпанную книжку на случайной странице и зачитала вслух:

— «Как снискать милость лешего».

Ника фыркнула:

— Научно-исследовательский институт лесной генетики, ряды учебников по лесной таксации, лесоустройству, картографии... и пособие, как снискать милость лешего?!

— Ну, а что? Иной раз кроме как «леший водит», наши приключения не объяснить... Как мне Алексей Васильевич тогда звонил из леса: «Мы заблудились». Ну, зашибись, думаю. И что я вам на расстоянии сделаю? Вызываю вторую группу, которая в двадцати километрах

от них, и они вместо своей работы идут тех искать. Полдня ищут. А те отзваниваются: «Мы, кажется, там-то» — называют место на карте, через пять минут: «Ой, нет, мы, кажется, там-то...» — другое место. Вот если не леший, то что это? Не может же наш Алексей Васильевич, светлая голова, не ориентироваться в лесу? Тридцать лет стажа...

— Это называется «первые пятьдесят лет самые трудные в жизни мальчика», — засмеялась Ника. — Они все так, если одни мужчины в группе. Их надо за ручку водить. Мне в прошлый раз звонили: «Мы вышли на какую-то дорогу, нам направо или налево?» По телефону меня спрашивают! Какую дорогу, откуда вышли?! Я тут при чём?!

— Это называется «лесник уровень бог»! Меня тоже однажды Алексей Васильевич вызванивал: «А беленькая стрелочка компаса на север показывает или на юг?». Как такой вопрос может возникнуть не в первой командировке и не в момент первого выхода в лес? Как ты раньше дорогу находил? А я откуда знаю, какая стрелочка у них куда показывает, у меня вообще белой на компасе нет, у меня красная и желтая. Пытаюсь объяснить, что солнечный день, полдень, что солнце сейчас на юге, а если развернуться и посмотреть на свою тень, то тень как раз будет падать на север... В следующий раз заговор «на милость лешего» им зачитаю.

Мы вспоминали других наших заслуженных лесоводов, истории были похожи. Я листала книжицу дальше и находила всё новые жемчужины. Как приворожить-отворожить, это было понятно и предсказуемо. Но среди стандартных заговоров и приворотов попадались и совершенно уникальные советы.

— «Как взять змею в руки»!

— Это ещё зачем? — Ника заглянула на открытую страничку.

— Не знаю, не написано. Подразумевается, что всем надо. Тут заговор, её рогатиной прижимают, читают его, а потом можно брать, она будет ручная.

Я листнула дальше, и мы расхохотались: следующим шёл «Заговор от змеиных укусов».

— Видимо, не всегда...

— Ой, смотри! — Ника заглянула мне через плечо и ткнула в книжку. — «Как сесть на муравейник»! *«Муравей-муравей, ты меня не трожь, а то сына твоего подавлю, всю семью твою подавлю, дом твой в труху сотру. Дунь на него, плюнь через левое плечо, топни ногой... Потом садись».*

Зачем, в тексте тоже не объяснялось.

Рядом шли очень житейские советы вроде «Как выпытать всю правду у жены». Это было ещё чуднее: взять кусок сырой печени какой-то зверушки, прижать спящей жене к боку, она во сне тебе все расскажет.

— Я представляю: просыпается, бедолага, а ей куском сырого мяса в бочину тычут! Она тебе расскажет! Она тебе всё-всё расскажет! И кто ты, и про всю семью твою, и что с тобой сейчас будет!

Мы разбирали залежи и зачитывались интересными страницами. Книги всплывали как из другой жизни.

В кабинете Юрошкина нашлось «Как пользоваться арифмометром». Издание шестидесятих годов. Там была изображена огромная махина, напоминавшая пишущую машинку, множество колёсиков, расписан принцип работы: выставляются цифры, что-то крутится, какая-то ручка, складывает, умножает... В предисловии гордо сказано, что как в 1870 году российский инженер изобрёл арифмометр, так прибор и не претерпел никаких изменений!

С другой полки выпала книга «Может ли машина мыслить», выпущенная где-то в пятидесятых.

— Много букв, — сказала Ника, листая. — Вкратце: «Если б машина могла мыслить, это было бы слишком ужасно».

— Гроку это Расскажи!

Тут же нашлась «Человек и компьютер» — книга из тех времён, когда у компьютеров ещё не было мониторов, и информацию о том, что там происходит, внутри, получали по перфокартам.

Из шкафов на нас смотрели эпохи и несбывшиеся надежды. Казалось, что время здесь оседало пластами, как осадочные породы.

В углу среди завалов обнаружили залежи словарей по самым разным языкам.

— Ладно ещё ходовые, а разные там русско-чешские, русско-венгерские, русско-болгарские... И ведь все по несколько экземпляров! Чтоб, значит, вдруг один на руках у кого-то, а другому тоже надо!..

— Да тут вообще принцип: чем реже книга кому-то нужна, тем больше её на складе! Гляди, «Список географических названий Китая»! Этот вообще в 10 экземплярах!

— Занимательная физика... — Я бегло пролистала. — Во люди развлекались, пока интернета не было! Задачки типа «Как определить объём комнаты, если у вас есть моток проволоки, гирьки и амперметр»...

К концу третьего дня заглянул Камаев, пожилой сотрудник из отдела биотехнологии, и попросил, рассматривая стопки книг:

— Только ничего не выбрасывайте, девочки. А то у нас не раз уже бывало: стоит что-то выбросить, оно тут же нужно. В девяностых, помню, решили списать идеологически устаревшую литературу. Выбросили всего Ленина и научный атеизм. А через год пришла бумага, что эти книги нужно срочно восстановить в фонде. Весь город оббегали. В магазинах такое уже не найдёшь, ходили по букинистам, искали, где с рук купить. Нашли в итоге. Как бы даже не ту же самую коллекцию, только уже втридорога.

Он говорил так спокойно и буднично, будто речь шла о сезонных работах, а не о странном круговороте книг, людей и всего такого...

Ещё дня два таскали старые отчёты. Они стояли вразнобой, мы их упорядочивали и складывали по годами. Пыли на них было больше, чем на книгах. Видимо, с того самого момента, как очередной том ложился на полку, его больше никто никогда не открывал.

И даже в отчётах семидесятых годов мелькали знакомые фамилии: Князев, Шишкин, Гирин, Рязанова...

Я пыталась прикинуть, сколько им тогда могло быть лет, и каждый раз путалась в цифрах.

Листала те тома, где знакомых фамилий было особенно много. Попадались чёрно-белые фотографии: группы совсем молодых людей — моложе нас — в лесу, на поваленных стволах, с какими-то грибами-сапрофитами в руках, или просто позирующие на фоне толстенных деревьев.

Миша, подошедший помогать с коробками, вздохнул:

— Жизнь быстротечна. Пришли после института — и вот уже всем за семьдесят. И мы так же: всю жизнь здесь просидим.

— Не дай бог, — почти хором сказали мы с Никой.

— Почему? — удивился Миша. — Я бы хотел. Посвятить жизнь науке.

На одном из отчётов мелькнула моя фамилия.

— Оль, а ты что, здесь в девяносто четвёртом работала? — спросила Ника.

— В каком ещё девяносто четвёртом? Я тогда в садик ходила.

Она задумчиво полистала страницы. Фотографий не было.

Инициалы отличались на одну букву. Какая-то другая Комарова.

— Странно, — сказала я. — Я не слышала, чтобы у меня здесь были однофамилицы.

— Бывает, — спокойно ответил Миша. — Князевых вон у нас вообще трое. А ко мне на елайбары однажды привязали работы какого-то Букреева по энтомологии. Потом Шишкина подходила: «Михаил, объясните мне вот это по фитофагам...», а я же в них не очень разбираюсь. Ещё подумал: почему ко мне? Она сама лесопатолог. Объяснил как мог, конечно, кое-что из институтской программы помню, а она так строго: «Как же так? Вы написали такую серьёзную статью, а в теме неглубоко!» Я потом только понял, когда статьи того Букреева на своей страничке увидел...

Постепенно стеллажи в угловой комнате, отведённой под библиотеку, заполнялись ровными рядами. К концу недели, когда полки были почти заставлены, в комнату заглянул техник, дядечка лет шестидесяти:

— Вы чего это тут?

— Библиотеку организовываем! — рывкнул зам. директора, который как раз заглянул проверить, как движется работа.

Техник почесал в затылке и сказал:

— Сюда столько тяжести нельзя. Здесь стены не несущие, просто перегородки. Если всё это книгами заставить, пол рухнет. Не рассчитан на такую нагрузку.

Зам. директора замер с выражением человека, которому только что сообщили, что вся его жизнь была зря.

— Как это — нельзя? — выдавил он.

Техник пожал плечами, будто речь шла о протекающем кране, а не о неделе нашей работы.

— Тяжести нельзя. Перекрытия не рассчитаны.

Повисла тишина. Зам. директора открыл рот, закрыл, снова открыл. Видно было, как в его голове желание настоять на своём борется с желанием не обрушить пол к приезду комиссии вместе с репутацией института.

— Тогда... — начал он и запнулся.

— Тогда тащим обратно? — предположила я.

Зам. директора посмотрел на меня так, будто лично от меня не ожидал такого упадничества. Но деваться было некуда.

— Ладно, — буркнул он наконец, махнув рукой. — Тащите обратно. Бывает.

Тем временем директор обошёл здание и решил, что для приёма комиссии нет ни одного приличного кабинета. И вообще для приёма делегаций нужен отдельный кабинет.

Продумать детали поручили мне.

Наверное, я была не лучшей кандидатурой — к быту я относилась не просто равнодушно, а пофигистично. Окна есть и ладно, подумаешь, деревянные и дует, газетой заткнём! Полы есть — ходить можно. А то, что фрагменты паркета вылетают — так меньше топтать надо, они и не вылетят.

Но директор вызвал меня к себе и долго убеждал в серьёзности задачи.

— Это всё строго регламентировано, — говорил он, — все детали: какие стены должны быть в комнате для приёма делегаций, какие жалюзи... Например, на стене обязательно должны висеть часы, потому что на часы на руке во время переговоров смотреть не принято, гостям покажется, что я их тороплю... Это всё где-то прописано. Поищи! Как проводят при-

ёмы на высшем уровне? Какие чайные наборы, какие сорта кофе, возможно, нужен плазменный телевизор...

«Откуда мне знать, как там, на высшем уровне? — думала я, — Я там ни разу не была».

Попытки найти в интернете что-то про помещение для приёма иностранных делегаций тоже мало к чему привели. Я вводила в строку поиска «помещение для...», гугл тут же предлагал: «... для коз», «... для гусей», «... для скота», «... для кроликов», «... для змей» и т.д. И даже: «для стоянки самолётов», «для арестантов»... Я хихикала и сползала под стол.

К счастью, про это поручение, как это часто бывало в НИИЫ, никто никогда больше не вспомнил.

А вот в остальном институте подготовка к приезду важных гостей велась куда серьёзней. С утра до вечера люди носились по зданию, заказывали какую-то мебель, суеились. Комиссия всё не ехала, и наше руководство за остаток зимы решило отремонтировать лифт. Лифт, который не работал вообще никогда с момента сдачи здания в эксплуатацию много десятков лет назад. В здании была шахта, но это всё. Собрались ремонтировать эту шахту, обновлять всё, добывать собственно лифт. Мелькали сметы с такими астрономическими суммами — мне казалось, что я до стольки даже считать не умею. Главбух, у которого финансирование вечно было не предусмотрено ни на что, внезапно эти суммы нашёл. Ну, в принципе, он всегда обещал, что «всё может измениться в любой момент». Момент настал.

В горячке подготовки было решено сделать в кабинетах ремонт.

Сразу во всех.

Наше присутствие мешало, и нас начали перекидывать с места на место.

Сначала выселили из кабинета, чтоб поменять окна на пластиковые.

Мы вытащили всё: столы, компьютеры, мониторы, содержимое ящиков, шкафы, содержимое шкафов, папки, гербарии, старые отчёты, цветы в горшках, чайник, кружки и Мишину каску, которую он где-то стащил и припрятал у нас, чтобы, если что, не подумали на него.

Таскали несколько часов.

Едва разместились в соседнем кабинете — выяснилось, что там как раз меняют батареи.

Снова всё вытащили. Снова несколько часов.

Переехали в третий.

Через день нам сказали, что в первый кабинет уже можно возвращаться — окна поставили.

Вернулись. Оказалось, что окна поставили криво, пеной недозаткнули, изо всех щелей дуло.

Мы снова выселились.

Через два дня сказали, что окна переделали. Мы вернулись.

На следующий день объявили, что будут белить потолки.

Мы снова выселились.

Потом меняли двери.

Потом перестилали полы...

Мы переезжали раз двадцать.

Наловчились уже так, что весь переезд занимал минут пятнадцать. Действовали чётко, слаженно, как команда грузчиков со стажем. Кто-то сворачивал провода, кто-то подхватывал системник, кто-то нёс горшки с цветами...

В какой-то момент нам даже перестали объяснять причину.

Просто говорили: «Сегодня переезжаете». И мы переезжали.

Последний раз почему-то решили посадить четырёх человек из разных отделов в один временный кабинет. А потом ремонт закончился. Или все просто устали. И нас решили оставить, как есть.

Институт засверкал новыми окнами, белоснежными потолками, а по шахте побежал лифт.

А вот нам теперь предстояло сидеть не вдвоём с Никой, а вчетвером: к нам подселили Оксану и Лиду. Все из разных отделов, по какому принципу нас собрали, мы так и не поняли.

Кабинет был большой, четыре стола вполне можно было поставить хорошо. Но начальству пришла мысль эту же комнату приспособить ещё и под видеоконференции. Это означало, что когда кому-то в институте будет нужно подключаться к совещаниям по видеосвязи, например, созваниваясь с Рослесхозом, он будет приходить к нам. Для этого половину комнаты нужно оставить пустой и красиво оформить стену — как фон для видеозвонков. Подразумевалось, что мы на время видеоконференций будем выходить в коридор и стоять по стеночке, ждать.

Что и говорить, идея была хороша во всех отношениях.

Обматерив начальство, мы спросили, как они себе это представляют, что нам, жаться вчетвером к одной стене?

— А что? Места много! — сказал Алексей Васильевич Кравцов, выполнявший роль транслятора воли начальства в нашем маленьком коллективе. И показал ребятам, помогавшим нам с мебелью, как расставить столы — все вдоль одной стены.

Два стола при этом встали нормально, а два оказались в паршивых местах: первый у входа, спиной к входящим, а второй у окна с солнечной стороны — на самом солнцепёке. За два паршивых никто садиться не хотел. Когда у тебя за стеной регулярно открывается дверь и все тут же смотрят на твой экран, приятного мало. Когда ты сидишь на солнцепёке, шуришься от света и изнываешь от жары, тоже. Кондиционеров у нас не было. Летом приоконный стол обещал стать местом пыток.

Кравцов посмотрел на эту картину и сказал:

— Жребий кинем.

После чего достал из ящика четыре болта разных цветов, условился сам с собой, какой цвет какому столу соответствует, чтоб всё по-честному, и... раздал нам их.

— На, этот тебе. Этот тебе. Этот тебе. А этот — тебе.

Всё происходящее напоминало выборы в Северной Корее: живая заинтересованность, стопроцентная явка, бурное выражение воли народа.

Мне выпало сидеть на солнцепёке.

— Зимой ничего, — утешил Кравцов. — А до лета ты, может, ещё и не доживёшь.

С этим трудно было спорить.

Оборудование комнаты под видеоконференции отложили на неопределённый срок. Как это часто бывало в НИИЫ, этот срок затянулся навсегда.

Свободная половина кабинета постепенно зарастала хламом: туда стаскивали ящики, стеллажи, упаковки какой-то техники. Поставили новый плоттер в коробке. Сказали, потом определят, кому его. Сносили неработающие принтеры, которые негде было хранить, старый сломанный холодильник, украденную когда-то из Пятёрочки тележку...

Каждый раз велели ничего не трогать, но спустя недели хлам расходился сам собой. Лесопарковские ребята забрали упаковочный пенопласт — утеплять будки собакам, Сергей утащил пакеты — на прививочные ленты резать. Разбирали доски — на поддон в душ, коробки — на растопку бани.

Так мы и остались: вместо комнаты под видеоконференции мы стали комнатой под склад ненужных вещей. К нам тащили всё, что жалко выбросить, но куда девать. А потом, через неделю или месяц, кто-нибудь другой находил этому применение.

Своего рода круговорот хлама в природе.

Во второй половине дня, когда солнце светило в глаза и невозможно было смотреть на монитор, я разгребала себе пяточок на другой половине комнаты и пересаживалась туда с ноутбуком.

В общем, выкручивалась.

Наш первоначальный кабинет, из которого мы выехали в первый раз, так и остался пустовать, туда никого не заселили. Почему нам с Никой нельзя было вернуться обратно — никто объяснить не мог. Просто «сидите здесь», и всё.

Теперь в одной комнате нас было четверо, все из разных отделов.

Нас разрывали на части. К каждому постоянно кто-то приходил с самыми невообразимыми поручениями, вопросами, бумагами на подпись, просьбами «быстро глянуть», «ты не видела журнал по технике безопасности?» и «а где последнее письмо от Росимущества?». Галдёж стоял как на базаре. Иногда казалось, что людей в комнате больше, чем могло физически поместиться.

При этом на второй половине кабинета продолжался круговорот: приносили, уносили, оценивали, разбирали, выбирали. Своего рода блошинный рынок.

И только новоприобретённый плоттер в коробке стоял незыблемо — большой, тяжёлый и, как выяснилось, несовместимый ни с одним компьютером в институте.

Однажды в кабинет заглянул Камаев, работавший в НИИЫ уже лет пятьдесят. Внимательно осмотрел плоттер, который так и стоял в коробке, и мрачно предрёк:

— Так и простоит тут всю жизнь. Даже не распакуют. Как те «Агаты» в восемьдесят пятом.

— Какие агаты, Рузиль Мансурович? Вы и минералы когда-то закупали?

— Нет, «Агаты» — это были такие компьютеры. Одни из первых в Союзе. Восьмиразрядные, на процессоре, как у «Эппла». Оперативки сначала 64 килобайта, потом ставили 128, дисководы под пятидюймовые дискеты...

Они тогда всем в новинку были, а в восемьдесят пятом институт вдруг закупил сразу огромную партию, штук пятьдесят, не меньше. Надо было освоить бюджет до конца года, вот и потратились.

На них тогда только мы с Негрובым умели работать — вы Негрובה и не помните, небось, не застали. Мы с ним по одному себе распаковали. Там даже бейсик запускался, графики можно было строить, расчёты какие-то. Помню, мы пробовали базу данных для учёта образцов сделать. Казалось: вот оно, будущее...

Остальные сотрудники к ним даже подойти боялись — другой мир. Как посадить человека, всю жизнь считавшего на логарифмической линейке, за штурвал самолёта.

Камаев подошёл ближе к плоттеру и ткнул его пальцем в бок, будто проверяя, живой ли.

— Они ведь так и стоят нераспакованные. Сначала коробки в коридоре третьего этажа лежали, потом их перетащили в бывшую лабораторию хроматографии, там они до сих пор и валяются.

Я представила эти пятьдесят коробок, пылящихся где-то на третьем этаже. Чьё-то будущее, ставшее нашим прошлым. Потом перевела взгляд на большую коробку с плоттером посреди нашего кабинета и подумала, что история повторяется. Уже не первый и, скорее всего, далеко не последний раз.

От суеты переездов и разгребания хлама нас отвлекли очередным срочным поручением. Пришло распоряжение из Рослесхоза: «Внести предложения мероприятий по профилактике заболеваний и оздоровлению сотрудников».

До сих пор не знаю, что конкретно имелось в виду. Но задание было именно таким.

Его скинули на нас и велели срочно разработать список мероприятий.

Сначала мы обрадовались.

— Абонементы в бассейн! — сразу предложила Ника.

— В фитнес-клуб!

— Путёвки в санаторий!

— Массаж!

Понеслась душа в рай...

Мы строчили список с упоением и всем кабинетом. Впервые за годы нам разрешили подумать о собственном здоровье!

Когда список был готов, заглянул Кравцов, который славился умением угадывать намерения начальства. Посмотрел, что мы предлагаем, и забраковал всё.

— Вы ничего не поняли, — сказал он с усталым выражением человека, которому приходится объяснять очевидные вещи слабоумным. — Речь не о вас.

— А о ком?

— О сотрудниках Рослесхоза. Когда они будут приезжать к нам на совещания, на конференции или вот, как скоро приедут, с проверкой. Какие мероприятия по их оздоровлению мы можем предложить?

Повисла тишина. Это звучало бредово, но Кравцов давно был в системе и обычно улавливал нюансы начальственных распоряжений.

— Зачем нам их оздоравливать? — не поняла я, — у них там, в Москве, масса возможностей, вот пусть едут к себе и оздоравливаются.

— Потому что так надо. Вот бестолковая!

Кравцов быстро выходил из себя и начинал злиться.

— Сказали «надо», значит, надо! Не задавай глупых вопросов.

Мы переглянулись. Распоряжение звучало теперь совсем по-другому.

— Окна им пооткрывать, — буркнула я. — Проветрить.

— Мало. Слишком просто. Это вообще не мероприятие.

— Зарядку провести, — предложила Оксана. — Приседания.

— На кросс их взять, — добавила я. — Да как бы не сдохли.

— Руки им помыть. Профилактика желудочно-кишечных заболеваний.

— Хождение босиком.

— По шишкам, — мстительно добавила Ника.

Кравцов зарубил всё вышеперечисленное.

— Свяжитесь с медицинскими центрами, — велел он. — Узнайте, какие у них есть мероприятия по профилактике заболеваний и оздоровлению.

Мы связались.

Медицинские центры предложили что могли: анализ мочи / крови / кала, измерение температуры, давления, кардиограмма, смотровой кабинет.

— Вот! — обрадовался Кравцов. — Вот это уже похоже! Температура и давление — сразу да. А остальное... поищите ещё. Поройтесь в интернете. «Недели здоровья, мероприятия»... что там ещё бывает? Что мне вас, всему учить?

Мы начали поиски.

Интернет выдавал разнообразные программы недель здоровья: массаж, ароматерапия, кислородные коктейли, витаминные чаи, сеансы психотерапии, сауна, хамам, бег в мешках, лапта... и — внезапно — хоровод!

На этом месте наша команда лишилась своего самого психологически устойчивого сотрудника в моём лице. Меня отстранили от работы над документом, сказали, что я срываю им остатки рабочего процесса нервным смехом.

— Самое страшное, — вздохнула заглянувшая к нам Валерия Федотовна, — что вот вы сейчас напишете, а потом нас всё это заставят осуществлять.

— Осуществим, — мрачно сказала Ника. — Массаж так массаж. Стол Якобсена от склянок освободим — и вперёд.

— И сауна, — согласилась Оксана. — Вот топор, вот дрова. Флаг в руки.

— Контактный зоопарк можно сделать, — предложила Елена Николаевна из лаборатории биотехнологии, которая зашла на чай и тоже подключилась к мозговому штурму. — Грея им дадите погладить?

— Дадим, — вздохнула Валерия Федотовна. — Он добрый. А они его не обижают?

— Кто их знает...

— Приём психотерапевта, — предложила Ника. — Сейчас это модно. Или психиатра. Многим не помешает. Заставят осуществлять — осуществим. Я, конечно, не психиатр, но послушать могу.

— Не уролог, но посмотреть тоже могу, если очень надо.

— Вот ты юродствуешь, а что мы писать будем?

— А вот всё, что щас звучало. И зарядку, и контактный зоопарк, и анализы тоже.

— «Забор крови на анализ», — зачитала Ника услуги с сайта какой-то медицинской организации.

Это верно сформулировано, — сказала я. — Сам анализ не обещаю, но забрать — заберу. Мы ещё долго сидели и сочиняли кто во что горазд.

В итоговый список вошло почти всё: измерение давления и температуры, забор анализов мочи и кала, сеанс психотерапии (силами сотрудников института), дыхательная гимнастика на свежем воздухе, хождение босиком по шишкам (по желанию) и — после долгих споров — хоровод как элемент групповой терапии для повышения командного духа.

Кравцов просмотрел документ, кивнул и сказал:

— Нормально. Можно отправлять.

Мы молча смотрели на него, пытаясь понять, шутит ли он. Он не шутил.

Вечером, засыпая, я ещё долго представляла одну и ту же картинку: заезжие чиновники в галстуках и костюмах, взявшись за руки, танцуют в туалет сдавать кал.

Чтоб они уже были, наконец, здоровы!

Утром я узнала, что наш ответ ушёл в Рослесхоз.

Можно было ждать комиссию — уже с полным набором оздоровительных мероприятий.

Наконец они приехали. Комиссия из Москвы оказалась именно такой, как мы её себе представляли: важные дяди в дорогих пальто. Кошечев встречал их у входа в своём фирменном «генеральском» наряде — тёмно-зелёном костюме с каракулевым воротником и золотыми пуговицами и в папаше с кокардой. В этом виде он всегда чувствовал себя особенно значительным. Рядом стояли замы, простых сотрудников близко не подпускали. Всех предупредили заранее: «Не отвешивать, ничего не говорить, на вопросы не отвечать, улыбаться и молчать».

Комиссия провела в институте неделю. Про оздоровительные мероприятия для сотрудников Рослесхоза никто не спросил. Хоровод остался невостребованным.

За это время они перерыли бухгалтерию, сравнивали билеты на командировки и авансовые отчёты за последние десять лет. Подняли на уши отдел кадров. Прошерстили весь документооборот. Вчитывались в старые приказы, служебные записки, вычитывали входящие и исходящие письма. Проверяли нумерацию и журнал записи входящих-исходящих. Придирались ко всему.

— Зачем на бланках документов слово «Рослесхоз»? Вы не Рослесхоз и не должны его упоминать! Кто вам дал такое право?

— А что за печать? Кто вам дал такую печать?

Печать оказалась с подвохом. В центре, как на многих российских печатях, красовался двуглавый орёл. Небольшой, как на рублёвой монетке, в кольце букв. При тщательном рассмотрении выяснилось, что это вовсе не орёл, а какая-то другая птица. Собрались научные сотрудники, более-менее связанные с орнитологией. Печать изучили под лупой.

— Это сокол! — уверенно заявил один.

— Какой сокол? — возразил другой. — У сокола хвост другой и клюв острее. Это скорее канюк!

— Да какой канюк! — вмешался третий. — У канюка крылья шире. Это вообще пустельга!

Через полчаса споров было решено, что на печати всё-таки канюк. Виктор Андреевич, заслуженный лесовод с 60-летним стажем, авторитетно сказал, что канюк — близкий родственник орла, они принадлежат к одному семейству *Accipitridae* и даже входят в один отряд — ястребообразные. Комиссия посомневалась, но согласилась закрыть на это глаза.

А вот что их не устроило — так это лапы бедной птицы. Гербовый орёл, по мнению комиссии, должен лапки держать вытянутыми, а наш «лапки поджал»!

— Орёл символизирует власть. А ваш выглядит так, будто боится!

Дело пахло госизменой.

Виктор Андреевич попытался было возразить, что в природе орлы тоже иногда поджимают лапы, но его быстро осадил:

— В природе — да. А на печати — нельзя.

Печать постановили поменять немедленно. А комиссия двинулась по кабинетам проверять работу рядовых сотрудников.

С каждым сотрудником возникали проблемы. С Рязановой — особенно. Она наотрез отказалась показывать комиссии свои материалы.

— Не дам! — заявила она твёрдо. — Это моё. Я пятьдесят лет собирала.

Комиссия хотела всего лишь посмотреть папки с отчётами, но Любовь Андреевна стояла перед шкафом насмерть, как партизанка на последнем рубеже, и повторяла:

— Не подходите. Это моё.

Ей пытались объяснить, что документы никто не забирает, но она и слушать не хотела:

— В прошлый раз тоже говорили «только посмотреть». А потом всё забрали!

Её пытались уболтать сообща. Меня тоже позвали на помощь.

Я оценила ситуацию и решила пойти от противного.

— Да там нечего смотреть, — сказала я членам комиссии, — Там старые формы и всякие устаревшие методики. Мы ничем этим сейчас не пользуемся. Вам это вряд ли будет интересно.

Любовь Андреевна взвилась:

— Старые формы?! Вряд ли интересно?! Да вы посмотрите сначала, а потом говорите!

И с гордостью распахнула шкаф.

Комиссия взялась листать её сокровища. Любовь Андреевна стояла рядом с видом победителя.

На второй день работы проверка дошла до нас.

Поднимали отчёты, рылись в папках с документами.

Алексей Васильевич Кравцов, наш руководитель научной темы, ужом крутился между ними, пытаясь угадать правильные ответы.

— А чем вы можете подтвердить происхождение плантаций? — спрашивали они.

— Есть полевые дневники, — бодро врал Алексей Васильевич.

Полевых дневников в институте никто не вёл. В лесу писали в блокнотах, возвращались, набирали записи на компьютерах, обрабатывали, вычисляли средние показатели, после чего исходники благополучно выбрасывались.

— Откуда брали семена? — они тыкали пальцем в отчёт.

— Селекционный материал из нашего дендрария, — чеканил Алексей Васильевич. — С плюсовых материнских деревьев, в двадцать четвёртом квартале.

Каждый ответ он выдавал с такой уверенностью, будто сам верил в то, что говорит. Я мысленно аплодировала.

Плантации закладывали больше пятидесяти лет назад. Уже и тех учёных не было в живых, вряд ли сохранилось что-то из записей. Происхождение семян, насколько я знала, было разным, делянка лиственницы дальневосточного происхождения, делянка, высаженная семенами из Канады, делянка — из Сибири. По крайней мере, так значилось у нас в отчёте. Документов, подтверждающих, что одни семена действительно из Канады, а другие из Сибири, разумеется, не было. Даже если кто-то когда-то их официально покупал, а не наши ученые их каким-то образом полулегально добывали, всё равно, кто будет хранить чеки и договоры о покупке семян пятьдесят лет?!

— Координаты плантации? На карте показать можете?

— Координаты у нас в отдельной базе, надо компьютерщика вызывать, он сейчас в отпуске. Если надо, завтра отзовём. На карте — конечно. Вот! — он ткнул пальцем куда-то в район Каменной Степи, где, насколько я знала, мы вообще никогда ничего не сажали.

Уверенность руководителя темы поражала. Проверяющие тоже мало-помалу проникались.

— Хорошо. Полевые журналы посмотрим и всё на этом. Человека из отпуска отзывать не надо. Принесите.

— Они... в архиве, — нашёлся Алексей Васильевич. — На Никитинской.

Архива у нас отродясь не было. Ни в институте, ни на Никитинской.

— Привезите. Желательно сегодня.

— Сегодня уже не получится, — вздохнул Алексей Васильевич. — Архив работает до трёх. Мы можем завтра с утра съездить, к обеду привезём.

Проверяющие кивнули и пошли дальше по кабинетам.

Как только они ушли, Алексей Васильевич посмотрел на нас:

— Быстро! Ника! В магазин! Купи журналы с полистовой нумерацией, штук десять. Оля, распечатывай все таблицы из всех отчётов. Сейчас же садимся и заполняем. Чтоб завтра к обеду журналы были как настоящие! В крайнем случае, к вечеру. Скажем, что по дороге

машина сломалась. Сергея в помощь берите. Всех берите, кого надо. И поправдоподобней! Пишите, как в лесу, как будто журнал на весу держали. Неровным почерком, разными ручками, с ошибками, исправлениями. Потрите страницы, углы погните. Чтоб новыми не выглядели. Вперёд!

Он говорил об этом с такой лёгкостью, будто речь шла о том, чтобы дописать пару строк в отчёте, а не о том, что мы сейчас будем задним числом изобретать целые экспедиции, которых никогда не было.

Про полевые журналы мы впервые услышали в этот день.

Порасспрашивав старых сотрудников, выяснили, что это такое и как выглядит. Комиссии нужны были именно исходные материалы, написанные от руки. А мы такое никогда не хранили. В лесу писали или в личных блокнотах, или вовсе где попало: криво-косо на скреплённых наспех на черновиках. Бывало, что резали потом колбасу на тех же черновиках или убивали этими сложенными листочками таракана, иногда подстиляли на траву, чтоб сесть на привале и не измазаться. Всю эту гадость уничтожали сразу после занесения данных в компьютер, чтоб потом не путать: занесли или ещё нет?

А вот теперь надо было их восстановить. Из полученных средних данных, фигурирующих в отчётах, обратно выдумать исходные, да так, чтобы средние сходились. Записать от руки, оформить, как полагается.

Вечером изучали, как такое ведётся, какие данные заносятся.

За консультацией Кравцов отправил меня всё к той же Рязановой: кажется, у неё единственной со всего института журналы велись, как надо. Она всё подробно рассказала, куда вписывать дату, куда — фамилии членов экспедиции... Была на удивление любезна.

В конце Любовь Андреевна похвалила меня за внимание к деталям и добавила:

— Побольше бы таких сотрудников! Интересующихся! Нравнодушных! А то в прошлый раз приходила девочка — такая неприятная... Вела себя по-хамски. Сказала, что у меня все методики устарели и смотреть там нечего, представляете?!

Я не стала ей говорить, что в прошлый раз это тоже была я.

Мы сидели в кабинете втроём — я, Ника и Сергей из нашего отдела.

На столе лежала стопка новеньких хрустящих чистых журналов — специальные, прошитые, с номерами страниц. Мы занимались важным делом: портили их.

Сергей аккуратно катал по странице каплю чая, чтобы выглядело, будто его несколько лет таскали по лесам в рюкзаках рядом с термосами.

Я давила между страницами комара, которого только что поймала. Какие полевые работы без комаров?

Заглянул компьютерщик Арсений. Молодой, недавно к нам устроившийся наивный мечтатель, планирующий через годик рвануть в Америку. Сколько их уже было таких, мечтающих уехать...

Видимо, Сергей и Арсения заставил участвовать в этом ритуале, потому что тот принёс нам муху.

— О-о-о, давай сюда! — обрадовался Сергей.

— Это для каких-то опытов? — осторожно спросил Арсений, заглядывая ему через плечо.

— Нет, — ответила я, размазывая по странице кусочек земли из горшка с декабристом. — Это чтобы журнал выглядел так, будто мы его вели в поле, а не вчера купили в магазине. А это нелегко, учитывая, что мы его вчера купили в магазине.

Арсений моргнул.

— А почему вы их не вели?

Сергей хмыкнул:

— Потому что это никогда никому не было нужно. Мы обычно распечатываем таблицу с нужной шапкой на компьютере — они же всё время разные нужны, разные колонки. Распечатываем, заполняем в лесу, набираем, как вернёмся, и всё. А комиссия хочет исходные документы.

Я поймала ещё одного комара и аккуратно придавила его между страницами.

— Ручки не забывай менять, — напомнила я. — Мы не могли во все поездки с одной и той же ручкой ездить. Дать другую? Оставь Нике часть, нужны разные почерки. Как будто разные люди ездили.

Арсений смотрел на нас как на сумасшедших.

Зашёл Алексей Анатольевич Осокин, наш старейший сотрудник, недавно ему стукнуло 95. Официально он давным-давно вышел на пенсию, уже лет десять как перестал у нас работать, но появлялся в институте немногим реже, чем все. Ему постоянно звонили с просьбой дать то рецензию на статью, то отзыв на диссертацию, то вычитать часть отчёта по его коронной теме — смолопродуктивности сосны. Доктор наук как-никак!

— Викочка, — обратился он к Нике, — у вас не найдётся карандаша? Я забыл в рецензии пометить одну вещь.

Карандаш нашёлся, Осокин старательно вывел что-то на стопке листочков, поблагодарил и удалился.

— А ты Вика? — спросил Арсений, когда старичок ушёл.

— Нет, — сказала Ника.

— А почему он называет тебя Викой?

— Да как-то так повелось. Неудобно поправлять, пожилой человек, доктор наук. Он всегда меня так называл.

— У нас тут сплошь доктора наук, — хмыкнула я. — Все профессора, все в очках, а банально имя запомнить — проблема. Или кашу сварить. Беспомощны как дети. В командировках за ручку надо водить, как маленьких, чтоб не потерялись.

Ника кивнула:

— Это буквально. Вот как раз с Осокиным так было. Мы с ним на плантации сосны ездили: чуть отвернёшься — уже куда-то ушёл, стоит посреди леса, смотрит в одну точку. Я его за рукав тяну: «Алексей Анатольевич, пойдёмте», а он: «Я просто дерево рассматриваю. Очень интересное дерево». И стоит.

Арсений слушал, раскрыв рот. Он ещё не привык к местному контингенту. Смешной. Привыкнет. Все они привыкают.

— Все кандидаты, доктора наук, все в очках, а как что руками сделать надо, так у всех лапки! — продолжила я. — Ни один не умеет ставить палатку. Сколько мы ездили по лесам, сколько брали с собой палаток — все всегда ставила я. Один раз, помню, они купили какую-то сверхсовременную, без разборных колышков, гибкую суперпалатку, она должна была выниматься из чехла и разворачиваться сама. Она и развернулась. А обратно — никак. Мы в лесу это поняли, когда на новое место переезжать собрались. Крутили, вертели... Я даже не участвовала, все доктора наук, куда мне! В итоге везли её прямо так, в развёрнутом виде! Сначала

хотели привязать на крышу машины, потом запихнули в салон под потолок и всю дорогу держали на плечах, как атланты небо.

Я потом, на другой день, пока все завтракали, решила всё-таки попытаться. Шея болела от предыдущего дня в дороге. Свернула! Несложно оказалось, как-то восьмёркой она скручивалась в бараний рог.

И во всём так.

То «запасные» колышки у них образуются, когда они пытаются ставить свои палатки сами. Когда я ставлю, запасных нет, когда они — появляются. Хорошо же? Больше — не меньше! Палатка стала как-то странно провисать на один бок, но это мелочь, спать можно и ладно, спать везде можно...

То матрас у них сдуется. Не подсдуется, а напрочь, в блин. Просыпаются на сдутом: «Ночью был какой-то взрыв!»

— Чем круче учёный, тем беспомощней в быту. Самых крутых жёны с ложечки кормят, — подытожила Ника.

— Это тоже буквально, — уточнила я. — Одного нашего видного учёного жена бежит в обед домой кормить. Она тоже в науке, но не настолько...хм...видная. Посамостоятельней. А он совсем беспомощный.

Мы с ней как-то работали в лаборатории, близится обед, она засобиралась: «Ой, надо домой бежать, мужа кормить!». Я ещё имела наглость спросить, что же он, сам не поест? Она говорит: «Я суп-то вчера сварила, но посолить забыла!». Драматическая пауза. Неужели, думаю, из-за этого она сейчас побежит домой? Спрашиваю: «А сам он, что, не посолит?» Она говорит: «Ах, он у меня такой рассеянный. Он может съесть и несолёное!!!»

— Ну и пусть бы жрал несолёное, раз ему пофиг, — сказал Арсений.

Мы с Никой переглянулись.

— Ты ещё не понял жизнь, Арсений.

— Такие люди, — пояснила я, — за ними надо бегать. Они пишут свои труды, дело простых смертных их покормить и надуть матрас, тогда всё остальное неважно. И зарплату можно не платить, к деньгам они равнодушны.

Сергей вздохнул:

— А я бы хотел, чтобы обо мне так заботились.

— Иди ты к чёрту! — добродушно сказали мы с Никой.

Сергей повертел в руках журнал, оценивая степень потрёпанности. Журнал всё ещё выглядел новым. Он снова вздохнул и начал тереть его о джинсы, пытаясь придать обложке потёртый вид.

— Не уважаете вы учёных.

— Да нет, — сказала я, — я даже без издёвки. Беззлобно. Я никого из них тупыми не считаю, они все чёртовы гении, у каждого заслуг и званий — пальцев не хватит перечислять, профессора, доктора наук. Это что-то другое. Все немного «не от мира сего». В стенах института ещё не так видно, а вот в командировках удивляют.

Помнишь, Серёг, как вы поставили палатку на муравейник? В Орловской области, два года назад. Единственный на поле муравейник, стараться будешь — не попадёшь на него, как умудрились? Возились-возились вокруг, прикидывали, как лучше, правее, левее, в итоге муравейник оказался прямо в палатке! Я первый раз в жизни такое видела: открываешь молнию, откидываешь полог, и первое, на что падает взгляд — муравейник!

Сергей хмыкнул с сомнением, как будто я что-то не так рассказывала. Наверное, его это задело. За палатки в той поездке отвечал он.

Я отвлеклась от журналов, чтобы навести чай, и пока наливала воду, продолжала:

— Они меня, наверное, для того с собой и берут, чтоб хоть кто-то был не оторванный от жизни.

Объекты вечно в глуши, у чёрта на рогах. Добираемся поездом, дальше — на своих двоих, тащим всё на себе: вещи, оборудование, все эти мерные вилки, высотомеры, бинокли, секаторы... Гении думают о своём, об учёте плодоношения или можно ли прививать сердцевиной на камбий. А я — где мы там будем ночевать. Если в палатке, то где заряжать те же навигаторы. Если в городе найдём гостиницу, то как добираться? Ходит ли там хоть какой-то автобус?

И что мы там будем есть? Столовых в лесу нет, значит, тащить плитку, баллоны, кастрюли, сковороды, крупы, тушёнку... У нас где-то была плитка, кто видел её в последний раз, сколько баллончиков осталось, сколько в них газа, а как проверить... Вот это всё, и заранее.

Хорошо бы поселиться у какой-нибудь старушки, которая помимо жилья ещё и ужин нам будет готовить, но она не даст нам квитанции для бухгалтерии.

А бухгалтерия — это отдельный квест: командировочные, билеты, приказы... Заявку на командировку подать вовремя, билетов на поезд иногда нет, деньги надо в бухгалтерии заранее заказывать, они их мгновенно из ящика не вынут.

Если с кем-то из молодых едем в командировку, то полегче. Молодёжь предприимчивей. В любой глухомани найдут и двор, где есть корова и можно купить молока, и где достать яйца, и поле, где арбузы, и рыбы наловят, и грибов насобирают, и засолят их тут же над плиткой, прокипятят баночки...

А со старшими научными сотрудниками или, того хуже, с ведущими приходится всё на себя брать. Эти светила науки едут совершать открытия, и хоть бы кто заранее узнал, как добраться от вокзала!

— Есть такое, — согласилась Ника. — Если надо потом заполнить документы для сертификата качества семян, например, это ужас! Никто не может сказать, где они их собирали. «Там дорога на Курск, вот после деревни такой-то, слева...»

Я в прошлом году замучилась с этим сертификатом. Всех на уши подняла. Леснику звонила: где у вас плантации сосны такой-то. Стыдно сказать, что наши гении собрали семена, а где — не знают. Пришлось придумывать, что документы на плантацию потеряли, ищем. Где растёт этот сорт сосны, какой квартал, выдел, потом по гугл-картам квартальную сетку накладывали, сопоставляли...

Я забралась с ногами в кресло, отхлебнула чай и кивнула:

— Нике больше всех достаётся, она как многодетная мать, за всеми потом всё доделывает.

Я на них тоже удивляюсь.

То не в тот город уедут. Бывало. «Не вышли в Белгороде, потому что никто не сказал, что это Белгород». И уехали дальше. Мы звоним: где они, пора уже было добраться, помехи какие-то, плохо слышно, что-то вроде буль-буль-буль. На таможне, говорят, долго держали. Какая таможня между Воронежем и Белгородом?! Куда их занесло?

То вещи забудут в автобусе. Всех вещей — одна сумка, это умудриться надо её забыть. То есть налегке вышли, и ничего нигде не шёлкнуло.

То выбросят всё. Как-то отмечали день рождения одного из наших, а на другой день именинник приходил искать подарки. Точно помнит, что они были. И вспоминали: «В одном пакете были подарки, во втором мусор» — «Мусор я выбросил» — «Нет, мусор я выбрасывал, я точно помню! Я в него заглянул» — «Нет, мусор должен был вынести тот-то, а подарки мы оставили у стола на полу»...

Тогда в Белгороде на съёмной квартире жили: три раскладывающихся дивана, все три раскладывала я. Нормально? Одни мужчины. Каждый посмотрел на свой диван, и все сказали, что в принципе уместятся и так. Я себе попросила расправить, один почесал тыковку: «А ты так можешь лечь?». Другого попросила, он что-то смотрел, вертел: «А давай ты так поспишь?». Ладно, сама...

А идеи их гениальные чего стоят! Фонтанируют. Типа «прислонить один поваленный ствол к другому под углом 45 градусов и взобраться, как по лестнице». Иногда успешно. Помнишь, Серёж, как вы за ведьминой метлой лезли? Хорошо, не убились. Отдела охраны труда на нас не было.

А одна идея из запомнившихся: чтоб не лазить на деревья, стрелять из пистолета по тем черенкам, которыми крепятся шишки к веткам. Черенок перебиваешь, шишка падает... Каково? Я немножко умею стрелять, морским многоборьем занималась, пару лет в тире провела. Я сразу отказалась. А остальные сказали: «Вааууу! Мы больше не будем лазить на деревья, шишки будут падать сами!». По шучьему велению, по моему хотению — поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь... Такая логика. Кроме шуток. Купили пистолет. Хреновенький, зато недорого. Стреляли. И по орехам, и по шишкам, и по желудям. Хоть бы одна сволочь упала, хоть одна для разнообразия. Неважно, зато наигрались. Пару орехов вдребезги, кажется, размозжили прямо на ветке. Выстрелов так из ста.

Арсений засмеялся. Сергей тоже улыбался, но как-то криво.

— И часто вы так ездите? — спросил Арсений.

— Ты её не больно-то слушай, — вдруг ответил Сергей. — Она тебе порасскажет. Её в командировки вообще не берут. Ни в Орловской области её не было два года назад, ни в прошлом году в Белгороде.

Я подавилась чаем.

— В смысле? Серёг, ты серьёзно? Кто тогда палатку вам свернул? Вы же её по гарантии возвращать собрались, «не складывается». Ты троллишь, что ли?

Он смотрел на меня с недоумением:

— Оля, мы с тобой никогда не ездили в командировки вместе. Чего ты сочиняешь?

Я замерла, не зная, что сказать. Вот паразит! Ему настолько стыдно признаться, что они не могут обустроить элементарный быт? Он решил выставить меня врушкой?!

Ника из-за своего стола тихо спросила:

— Серёж, ты чего? Я тоже помню, как Оля рассказывала про Белгород ещё в прошлом году.

— Значит, тогда и сочинила, — он пожал плечами. — Подними приказы на командировку, если не веришь. Оля туда не ездила. А про «Не вышли в Белгороде, потому что никто не сказал, что это Белгород» — это Колов рассказывал, она с его слов пересказывает.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но вдруг поняла, что не знаю, что возразить. Меня охватило липкое, неприятное ощущение: я не помнила точно, чьи это слова про «Не вышли в Белгороде, потому что никто не сказал, что это Белгород». Кравцов с Коловым ехали на поезде со всеми удобствами, меня с ними не было, иначе бы мы все вышли, где надо. Да, кто-то из них рассказывал. А как же я оказалась с ними в одной командировке? Кажется, нас водитель вёз на нашем раздолбанном УАЗике. Нас — это меня и... кого ещё? Отчего-то я не могла вспомнить. А старшие учёные ехали поездом, потому что так комфортней, пожилые люди. Почему тогда я помню три дивана? С водителем, Кравцовым, Коловым и мной должно быть четверо.

А-а, машина же потом вернулась! Точно! Мы забирали у белгородцев часть саженцев для исследований, забили машину под потолок. Кравцов тогда ещё забыл в салоне все вещи: одежду, обувь и всё остальное, водитель уехал обратно в Воронеж. В чём потом ходил, не помню. Что ж я ничего не помню-то?!

А где мы их там встретили, как? Странное ощущение усилилось, казалось, что я пытаюсь восстановить отсутствующие детали сна. Это там мы их теряли на сутки? С буль-буль-буль и «на таможне долго держали»?.. Это вспоминалось смутно.

А как мы возвращались потом, своим ходом, на поезде? Здесь тоже детали терялись.

Но я точно помню ту съёмную квартиру! Помню, как варила там суп, пока учёные мотались в областное министерство лесного хозяйства. Мы жили в здании напротив университета

БГУ. Помню вид из окна. Помню, как в какой-то момент в дверь позвонили, на пороге незнакомый парень спросил: «Извините, вы не одолжите мне две тысячи рублей? Буквально на пять минут». Я сказала: «Нет, я вас не знаю», на что он ответил: «Иван меня зовут». Я сказала: «Тем не менее нет», чувствуя, как аргументы заканчиваются...

Странная поездка. Одни детали из памяти ускользали, другие всплывали помимо моей воли. Я помнила квартиру, помнила иван-чай от местного лесничего, мы заваривали его по вечерам... Помнила массу бытовых мелочей. А вот дорога и сама работа вспоминались хуже.

Я опустила глаза в полевой журнал. На странице красовалось пятно чая и размазанная земля. Ну, не приснилась же мне та поездка?! Что Белгород, что Орёл. Сергей просто не хочет признаваться в своей беспомощности. Вот козёл!

Обязательно найду приказ на командировку. С комиссией разберёмся, все дела разгребём, и я поищу. Найду — в нос ему ткну. Сволочь. Надо же ляпнуть такое! Не было меня! А кто ж там орехи в последний день считал? Была такая фотка, даже у меня где-то была. Её для буклета потом взяли. И приказ, и фото найду, принесу Сергею, пусть при всех признает, что врёт!

Полевыми журналами комиссия осталась довольна, а вот в целом по институту набралось немало недочётов. Бумажки на всех уровнях пестрили ошибками, реестр замечаний перевалил за сотню страниц.

Пару раз я пыталась пробиться в кадры, заикнуться про приказы на командировки, но кадровичка сидела за столом, погребённая под горой папок, и только отмахивалась:

— Уйди хотя бы ты!

Я решила отложить этот вопрос на более спокойный период.

Спокойного периода, впрочем, не предвиделось. Реестр замечаний разбирали ещё пару недель. Начальство ходило бледное и молчаливое. В коридорах разговаривали шёпотом. А потом нас всех собрали в актовом зале, и Кошечев срывающимся голосом объявил:

— Нам дали последний шанс доказать свою нужность. В сентябре мы проведём у себя международную конференцию. Нужно выложиться по полной, иначе нам конец!

Что именно означает «конец», он уточнять не стал.

В коридорах шептались, что директора хотят заменить и прислать кого-то из Москвы.

Кошечев в попытках удержаться у власти решил расстараться вовсю и показать, что мы — продвинутая, всеми востребованная организация на острие науки. Он разослал приглашения учёным со всего мира, пообещал оплатить дорогу и проживание — только приезжайте. Обмен опытом. Крутые публикации. Международное признание.

Международность подразумевала английский.

Поскольку английским в институте более-менее владела только я, меня посадили разгребать присылаемые англоязычные тезисы участников, проверять их на соответствие здравому смыслу и собирать в сборник.

Здравого смысла в присылаемом было мало. Участники явно переводили свои тезисы через гугл транслейт, который просто транслитерировал термины, если не находил их в словаре, и потому среди нормальных слов попадались и перлы типа «*lesovosstanovlenie*», «*lesoustroistvo*», «*plodonoshenie*» и подобные жемчужины.

Особенно тяжело было с аббревиатурами. Почему-то нашим учёным не приходило в голову, что в английском таких сокращений может не быть. И за различные ЦЧР (Центрально-Чернозёмный регион), ЛСП (лесосеменная плантация), ЗКС (закрытая корневая система) в английском у них были «CCR» (первая «С» означала «Ц», вторая «С» — «Ч», не путать!), «LSP», «ZKS»... И много других прекрасных букв.

Когда я дошла до фразы «*The gorelnik of 2010*» (очевидно, горельник 2010 года), я пошла плакать в лесопарк, а за компьютером меня сменил Арсений, которому было велено просто сбивать присылаемое в один сборник и «не цепляться».

На саму конференцию обещали пригнать помощников с языком и переводчиков — все доклады тоже планировались на английском.

Тем временем, пытаясь заработать очки в глазах Рослесхоза, Кошечев придумал организовать посадку леса совместно с коллегами из министерства лесного хозяйства, Рослесозащиты, Рослесинфорга и ещё пары дружественных организаций. Идея коллегам понравилась. Такое мероприятие давало всем плюсики в графу «общественная работа» и фото для отчётности. Прощерстив лесные ведомства, мы договорились о нескольких представителях от каждого, секретаря оставили вызванивать кого-нибудь из органов власти и журналистов — «чтоб в новостях показали», а мы с Алексеем Васильевичем Кравцовым отправились в село Хреновое (ударение на третий слог, хотя все неместные произносят на второй) под Воронежем — договариваться о саженцах и желудях. В воздухе пахло большим пиаром и возможностью хотя бы на день свалить из института подальше.

О саженцах и транспорте договорились быстро. Также нам обещали найти желуди и подвезти их к условленной точке.

Вечер мы провели в квартире лесника, Ивана Сергеевича. Тот сам предложил приютить нас, потому что единственная в селе гостиница была закрыта на ремонт.

В маленькой квартирке на краю леса Алексей Васильевич и лесник засели на кухне, достали бутылочку какой-то наливки и быстро нашли общий язык, а я примостилась с ноутбуком на подоконнике в комнате, где лучше ловил вай-фай.

Кравцов поминутно звал меня, ему явно был нужен слушатель.

— Иди сюда! Открой, на бутылку. Как не умеешь? Учись!

Я уходила в комнату, но через минуту меня снова звали:

— Садись, слушай. Невозможно создать научную школу с нуля, когда нет передачи опыта! Нужно работать с молодым поколением...

Я соглашалась, чтобы быстрее закончить разговор и заняться своими делами. Уходила.

Он звал снова:

— Я для тебя последнее отдам! Запомни, всегда!

И минуту спустя:

— Ты поела? Хорошо поела? Садись ещё поешь.

Потом:

— Завтра будет холодно, одевайся теплее.

Потом:

— Включи телевизор, первый канал! Я его всегда смотрел и всегда буду смотреть!

Кравцов уже что-то нащёлкал на пульте, настройки сбились, и телевизор не показывал. Лесник, который просил же ничего не нажимать, тихо матерился.

Я нажимала всё подряд, ища нужное сочетание.

— Что? Сломала?

— Я сломала?!

— Ладно, ладно. Иди. Что ты там делаешь?

— В институт пишу, надо же сказать, что с саженцами договорились, ждём.

— Давай помогу! Чего ты так долго?

Алексей Васильевич сел за ноутбук, взял мышку и с минуту водил курсором по экрану. Несколько раз пытался скопировать адрес: выделял, щёлкал правой кнопкой, не попадал, выделение сбрасывалось, он выделял снова, щёлкал, оно сбрасывалось... Потом наконец скопировал и долго пытался попасть мышкой в поле адреса. Курсор не наводился. Он несколько раз промахнулся мимо ячейки, плюнул и встал.

— Ладно, давай заканчивай и приходи к нам. Хоть поешь.

— Я поела.

Он снова ушёл на кухню, и я услышала, как он объясняет леснику: «Что-то она тормозит!», очевидно, про меня.

Спустя минуту снова долетел зов.

— Вот, смотри! — Кравцов показал на вид из окна, поводя рукой широким жестом, — это Хреновской бор!!!

Я уже заколебалась бегать туда-сюда, но послушно кивала, мол, да, Хреновской бор. Спасибо, что показали, красиво!

— Всё будет хорошо, — пообещал Кравцов, — я тебя устрою в аспирантуру. Вот увидишь!

Я вернулась к компьютеру. Из кухни неслось:

— Телевизора нет! И вай-фая нет!

— Вай-фай есть, — отозвалась я.

— Где?

Я снова пошла к ним, попыталась настроить вай-фай Кравцову на телефоне. Сеть не ловилась. Он смотрел на меня ласково и объяснял леснику, что я у них бестолковая. Потом опять говорил, что он за меня последнюю рубашку отдаст, потом говорил, что даже если я не настрою вай-фай — это не важно.

— Делай что хочешь с этим телефоном, разломай его, разбей!

Я говорила, что не хочу его разбивать, хочу настроить вай-фай, но не знаю, как.

— Ты должна в этом разбираться, молодежь должна во всем разбираться...

— Я без телефона, с ноутбука подключилась и ладно.

— У тебя нет смартфона? Как? На, возьми мой!

И смех и грех.

Спустя пять минут они с лесником позвали меня с видом заговорщиков, решивших посвятить новичка в свою тайну:

— Запомни, аспирантуры нет! Ну, просто нет её!

— Ладно, запомню. Нет её.

— А тебе и не надо.

— Да, — легко согласилась я, — мне и не надо.

— Время только терять. Мы тебя на соискательство учёной степени устроим, сразу на защиту выйдешь...

Лесник кивал. Он тоже уже всё про меня решил.

— Наш лучший сотрудник, — Кравцов решил заново представить меня леснику. — Таких, как она, набрать человек пять, и весь остальной институт можно распускать!

Лесник соглашался.

— Она одна у нас работает! — не унимался Кравцов. — Вот мы сидим? Сидим. А она работает! Вот мы поели? А она не поела.

— Я поела, — успокаивала я Алексея Васильевича.

Он закурил в открытое окно и попросил:

— Дай что-нибудь... — и показал жестами, как давит окуроч.

Я метнулась по кухне, ища пепельницу, Иван Сергеевич только руками развёл — не курю.

— Нет ничего, Алексей Васильевич, заканчивайте. Если хозяин не курит, вам тоже не надо в доме. Идите на улицу.

— Нет ничего? — он удивился. — Вот видишь, как ты плохо соображаешь!

И, взяв со стола тарелку, раздавил окурок в ней.

— А ну вас!

Я снова ушла в комнату, но через пять минут донёлся новый клич.

— Иди сюда! — Алексей Васильевич показал на небо. — Погода прекрасная!

Ага, дождь. Но то ли он видел не то, что я, то ли шкала оценки сместилась.

Ещё через пять минут:

— В следующий отпуск в Абхазию поедem! Ты, я и две мои дочки. Давно хотел, чтоб мы такой компанией туда съездили. Ты была в Абхазии? Нет? Поедем!

И ещё через десять минут:

— Вот эти дома, — он показал вдаль на малоэтажные здания, — в каждом из них живёт человек по двадцать. Их не могут снести, потому что придётся каждому покупать квартиру, двадцать человек!...

— Да, — соглашалась я, — понятное дело.

— А вот там Хреновской лесной колледж! — показывал он в туман.

— Нет там ничего. Там лес.

— Есть! Просто не видно! Молодое поколение лесников воспитывают. Но как можно создать научную школу на пустом месте? Нет передачи опыта...

Эта пластинка крутилась по кругу часа два.

Потом они уснули. Я же не спала полночи, боясь проспать подъём. Мне всё время казалось, что мы опоздали, я подсакивала на диване и смотрела на часы. Ночь тянулась долго...

Утром мы, конечно, проспали. Разбудил нас уже звонок директора. Делегация подъезжала к селу, и Кощеев звонил узнать, куда дальше от лесничества.

— Одевайтесь красиво! — сказал Кощеев. — Фотографы будут, телевидение. — И зачем-то добавил, — и паспорта возьмите.

— Красиво? — переспросила я, когда Кравцов повесил трубку. — Мы же сажать едем?! Я планировала в обычной лесной форме сажать. Это красиво?

— Одевайся тепло! — велел Алексей Васильевич.

— А директор сказал...

— Лесная форма — это красиво! — отрезал Кравцов.

К месту посадки мы подскочили сразу же за институтской делегацией.

Из автобуса высыпали наши: в платьях, шубах, на шпильках и с лопатами, все страшно красивые.

Снег шёл хлопьями.

Через минуту подъехала машина министерства лесного хозяйства, вышел министр в дорогом пальто в окружении охраны, тут же примчалось человек десять с фотоаппаратами, и действо началось.

Сначала сажали саженцы. Всё было очень организовано, кроме одного: саженцев было всего два. Министр сажал один саженец, а делегация из руководителей дружественных организаций суежилась вокруг в качестве группы поддержки. Вторым кольцом вокруг них — журналисты с фотоаппаратами. Министр взял дубок и замер в картинной позе. Хоровод из фото-

графов и охраны ловил каждый его жест. Несколько десятков кадров. Поставил в лунку и снова замер. Снова несколько десятков кадров. Так прошло около получаса. Кощеев в своей папаше с кокардой норовил всё время оказаться в центре кадра и все полчаса с замершей улыбкой глядел в объектив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.